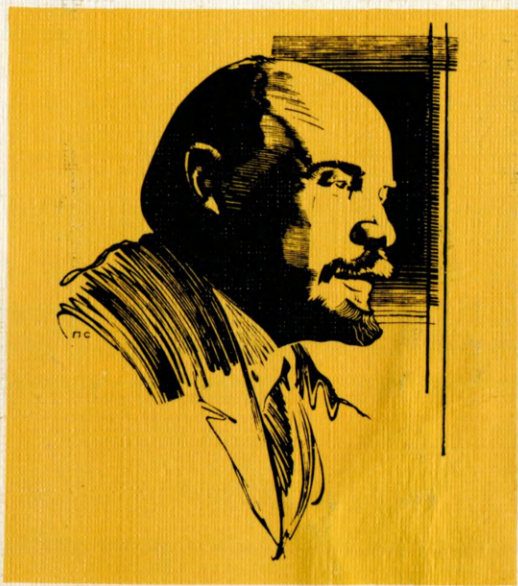

В.И.ЛЕНИН
СТАТЬИ О ТОЛСТОМ

Массовая историко-литературная библиотека

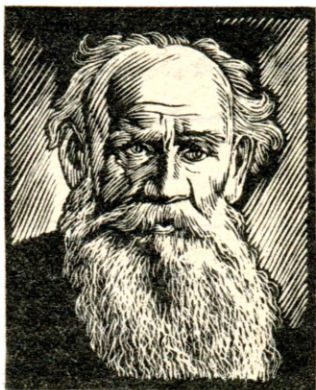
Лев Толстой, как зеркало русской
революции.

Сопоставление мысли великого судорожника с революцией, которой он было не покаяв, без которой он было оторван, морей нека- заром на первый взгляд странности и несо- срабатывающей. Не кажутся ли же державные, что очевидно на отражении явления правды? Не наша революция — явление чрезвычайного морали; среди масс ее непосредствен- ных совершителей и участвующих есть много сознательных элементов, которые тоже яв- но не хотят в переходный, тем о- страженности и насильственных и кровавых де- лать, подтверждающих перед нами ходом со- бытий. В наши дни нами и нами...

Воспроизведение рукописи статьи В. И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции»

(Уменьшено)

Массовая историко-литературная библиотека

В.И. ЛЕНИН

**СТАТЬИ
О ТОЛСТОМ**

Москва
«Художественная литература»

1988

Статьи**ЛЕВ ТОЛСТОЙ, КАК ЗЕРКАЛО
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹**

Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно? Но наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях.

Легальная русская пресса, переполненная статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого², всего меньше интересуется анализом его произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее. Вся эта пресса до тошноты переполнена лицемерием, лицемерием двойного рода: казенным и либеральным. Первое есть грубое лицемерие продажных писак, которым вчера было велено травить Л. Толстого, а сегодня — отыскивать в нем патриотизм и постараться соблюсти приличия перед Европой. Что писакам этого рода за-

плачено за их писания, это всем известно, и никого обмануть они не в состоянии. Гораздо более утонченно и потому гораздо более вредно и опасно лицемерие либеральное. Послушать кадетских балалайкинских из «Речи»³ — сочувствие их Толстому самое полное и самое горячее. На деле, рассчитанная декламация и напыщенные фразы о «великом богоискателе»⁴ — одна сплошная фальшь, ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует. Он примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капитал, чтобы разыграть роль вождя общенациональной оппозиции, он старается громом и треском фраз *заглушить* потребность прямого и ясного ответа на вопрос: чем вызваны кричащие противоречия «толстовщины», какие недостатки и слабости нашей революции они выражают?

Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, — с другой стороны, «толстовец», т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками». С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и

государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, — юродивая проповедь «непротивления злу» насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины. Поистине:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка Русь!⁵

Что при таких противоречиях Толстой не мог абсолютно понять ни рабочего движения и его роли в борьбе за социализм, ни русской революции, это само собою очевидно. Но противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века. Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой. И противоречия во взглядах Толстого надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося

капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней. Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, — и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской* буржуазной революции. Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения, — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции. С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчислить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному «христианскому анархизму», как оценивают иногда «систему» его взглядов.

С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково

должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы. В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей», — совсем в духе Льва Николаича Толстого! И, как всегда бывает в таких случаях, толстовское воздержание от политики, толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее, делали то, что за сознательным и революционным пролетариатом шло меньшинство, большинство же было добычей тех беспринципных, холуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов бегали с собрания трудовиков⁶ в переднюю Столыпина⁷, кланчили, торговались, примиряли, обещали примирить, — пока их не выгнали пинком солдатского сапога. Толстовские идеи, это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка».

Возьмите солдатские восстания 1905—1906 годов. Социальный состав этих борцов нашей революции —

промежуточный между крестьянством и пролетариатом. Последний в меньшинстве; поэтому движение в войсках не показывает даже приблизительно такой всероссийской сплоченности, такой партийной сознательности, которые обнаружены пролетариатом, точно по мановению руки ставшим социал-демократическим. С другой стороны, нет ничего ошибочнее мнения, будто причиной неудачи солдатских восстаний было отсутствие руководителей из офицерства. Напротив, гигантский прогресс революции со времен Народной воли⁸ сказался именно в том, что за ружье взялась против начальства «серая скотинка», самостоятельность которой так напугала либеральных помещиков и либеральное офицерство. Солдат был полон сочувствия крестьянскому делу; его глаза загорались при одном упоминании о земле. Не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы, — но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через пару дней, иногда через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги, впрягались снова в ярмо — совсем в духе Льва Николаича Толстого!

Толстой отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании.

Говорят, что разбитые армии хорошо учатся.

Конечно, сравнение революционных классов с армиями верно только в очень ограниченном смысле. Развитие капитализма с каждым часом видоизменяет и обостряет те условия, которые толкали крестьянские миллионы, сплоченные вместе ненавистью к помещикам-крепостникам и к их правительству, на революционно-демократическую борьбу. В самом крестьянстве рост обмена, господства рынка и власти денег все более вытесняет патриархальную старину и патриархальную толстовскую идеологию. Но одно приобретение первых лет революции и первых поражений в массовой революционной борьбе несомненно: это — смертельный удар, нанесенный прежней рыхлости и дряблости масс. Разграничительные линии стали резче. Классы и партии размежевались. Под молотом столыпинских уроков, при неуклонной, выдержанной агитации революционных социал-демократов, не только социалистический пролетариат, но и демократические массы крестьянства будут неизбежно выдвигать все более закаленных борцов, все менее способных впадать в наш исторический грех толстовщины!

П. с. с., т. 17, стр. 206—213.

Л. Н. ТОЛСТОЙ⁹

Умер Лев Толстой¹⁰. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции.

Л. Н. Толстой выступил, как великий художник, еще при крепостном праве¹¹. В ряде гениальных произведений, которые он дал в течение своей более чем полувековой литературной деятельности, он рисовал преимущественно старую, дореволюционную Россию, оставшуюся и после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина. Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного

стройка, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот.

И Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов, — он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования. Принадлежа главным образом к эпохе 1861—1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость.

Одна из главных отличительных черт нашей революции состоит в том, что это была *крестьянская* буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии. В особенности крестьянство не сознавало этой последней задачи, не сознавало ее отличия от более близких и непосредственных задач борьбы. И это была крестьянская буржуазная революция, ибо объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, о «расчистке земли» для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы.

В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-«надельное», стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению. Его непрерывное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис — все бедствия «эпохи первоначального накопления», обостренные во сто крат перенесением на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном.

Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному,

наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, т. е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям. Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат.

Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в *пореформенную*, но *дореволюционную* эпоху.

И поэтому правильная оценка Толстого возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время первой развязки этих противоречий, во время революции, доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплуатации, — доказал свою беззаветную преданность делу демократии и свою способность борьбы с ограниченностью и непоследовательностью буржуазной

(в том числе и крестьянской) демократии, — возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата.

Посмотрите на оценку Толстого в правительственных газетах. Они льют крокодиловы слезы, уверяя в своем уважении к «великому писателю» и в то же время защищая «святейший» синод. А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой «раскаялся». Святейший синод отлучил Толстого от церкви¹². Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки.

Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами. Они отделываются теми пустыми, казенно-либеральными, избито-профессорскими фразами о «голосе цивилизованного человечества», о «единодушном отклике мира», об «идеях правды, добра» и т. д., за которые так бичевал Толстой — и справедливо бичевал — буржуазную науку. Они *не могут* высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм, — не потому, что мешает цензура; наоборот, цензура помогает им выйти из затруднения! — а потому, что каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму; — потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая *постановка* Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени *бьет в лицо* шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой, «цивилизованной» лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публици-

стики. Либералы горой за Толстого, горой против синода — и вместе с тем они за... веховцев¹³, с которыми «можно спорить», но с которыми «надо» ужиться в одной партии, «надо» работать вместе в литературе и в политике. А веховцев лобызает Антоний Волынский¹⁴.

Либералы выдвигают на первый план, что Толстой — «великая совесть». Разве это не пустая фраза, которую повторяют на тысячи ладов и «Новое Время»¹⁵ и все ему подобные? Разве это не обход тех *конкретных* вопросов демократии и социализма, которые Толстым *поставлены*? Разве это не выдвигает на первый план того, что выражает предрассудок Толстого, а не его разум, что принадлежит в нем прошлому, а не будущему, его отрицанию политики и его проповеди нравственного самоусовершенствования, а не его бурному протесту против всякого классового господства?

Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат. Он разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности — не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о божецкой жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещицкому землевладению, которые в 1905 году были только слегка надломаны и которые надо уничтожить. Он разъяснит массам толстовскую критику капитализма — не для того, чтобы массы ограничились про-

клятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились опираться на каждом шагу своей жизни и своей борьбы на технические и социальные завоевания капитализма, научились сплачиваться в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком.

П. с. с., т. 20, стр. 19—24.

НЕ НАЧАЛО ЛИ ПОВОРОТА?¹⁶

Настоящий номер был уже сверстан, когда мы получили петербургские и московские газеты от 12 ноября¹⁷. Как ни недостаточны сведения легальной печати, но из них вытекает все же несомненно, что в целом ряде городов произошли студенческие сходки, манифестации, уличные шествия с протестом против смертной казни, с речами против правительства¹⁸. Петербургская демонстрация 11 ноября, даже по сведениям держащих себя совершенно по-октябристски «Русских Ведомостей», собрала *не менее 10 000 человек* на Невском. Та же газета сообщает, что на Петербургской стороне «у Народного дома к шествию присоединилось много рабочих. У Тучкова моста шествие остановилось. Полицейский отряд никак не мог остановить шествие, и толпа прошла с пением и флагами на Большой проспект Васильевского острова. Только у университета полиции удалось рассеять толпу».

Полиция и войска вели себя, разумеется, истинно-русски¹⁹.

Откладывая до следующего номера оценку этого несомненного демократического подъема, мы не можем не сказать здесь нескольких слов об отношении разных партий к демонстрации. «Русские Ведомости», поместившие 11-го *ложное* известие, что демон-

страция отменена²⁰, сообщают 12-го, будто с.-д. не приняли никакого постановления, а отдельные депутаты из них даже высказывали свое отрицательное отношение, и лишь одни трудовики в принятой резолюции сочли невозможным препятствовать демонстрации²¹. Мы не сомневаемся, что это позорящее наших с.-д. депутатов сообщение ложно; вероятно, оно так же злостно выдуманно «Русскими Ведомостями», как и их вчерашнее сообщение об отмене демонстрации. «Голос Москвы» сообщает 12-го, что, «за исключением с.-д., депутаты всех партий относятся отрицательно к выступлению студенчества на улицах»²².

Ясно, что кадетские и октябристские органы сугубо «уклоняются от истины», будучи запуганы совершенно нелепыми, смешными криками правых о том, что «пружины, готовящие демонстрацию, нажимаются из Таврического дворца»²³.

А что кадеты вели себя недостойно, это — факт. «Речь» поместила 11-го, в день демонстрации, воззвание депутатов к.-д., приглашающее не устраивать демонстрации²⁴. Мотивировка и в этом воззвании и в передовице «Речи» поистине подлая: «не омрачать скорбных дней! «устраивать манифестации, соединять их с памятью Толстого» — значит обнаруживать «отсутствие искренней любовности к священной памяти»!! и т. д. в чисто октябристском духе²⁵ (сравните передовицу от 11-го в «Голосе Москвы» с почти буквально тождественными фразами)²⁶.

К счастью, подлая подножка, подставленная демократии кадетами, не удалась. Демонстрация все же состоялась. И если полицейская «Россия» продолжает винить во всем кадетов, ухитряясь даже в их воззвании видеть «разжигание»²⁷, то в Думе, по словам «Голоса Москвы», и октябристы и крайние пра-

вые (Шульгин) оценили *заслугу* кадетов, признали их «противниками демонстрации»²⁸.

Кого весь ход русской революции не научил тому, что дело освободительного движения в России *безнадежно*, пока им руководят кадеты, пока он не умеет оберечь себя от измен кадетов, тот пусть учится снова и снова на фактах современной политики, на истории демонстрации 11-го ноября.

Первое же начало демократического подъема — начало кадетских гнусностей.

Отметим еще сообщение «Голоса Москвы», что рабочие предложили будто бы студентам устроить грандиозную демонстрацию 14-го²⁹. Доля правды тут, наверное, есть, ибо сегодня (15 (28) ноября) парижские газеты сообщают об аресте в С.-Петербурге 13-ти членов бюро профессиональных союзов за *попытку* организовать рабочую манифестацию.

П. с. с., т. 20, стр. 1—3.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И СОВРЕМЕННОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ³⁰

Русские рабочие почти во всех больших городах России уже откликнулись по поводу смерти Л. Н. Толстого и выразили, так или иначе, свое отношение к писателю³¹, который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира, — к мыслителю, который с громадной силой, уверенностью, искренностью *поставил* целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства. В общем и целом это отношение выражено в напечатанной в газетах телеграмме, посланной рабочими депутатами III Думы³².

Л. Толстой начал свою литературную деятельность при существовании крепостного права, но уже в такое время, когда оно явно доживало последние дни. Главная деятельность Толстого падает на тот период русской истории, который лежит между двумя поворотными пунктами ее, между 1861 и 1905 годами. В течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху.

В чем сказывались переживания крепостного пра-

ва? Больше всего и яснее всего в том, что в России, стране по преимуществу земледельческой, земледелие было за это время в руках разоренных, обнищавших крестьян, которые вели устарелое, первобытное хозяйство на старых крепостных наделах, урезанных в пользу помещиков в 1861 году. А, с другой стороны, земледелие было в руках помещиков, которые в центральной России обрабатывали земли трудом крестьян, крестьянской сохой, крестьянской лошастью за «отрезные земли», за покосы, за водопой и т. д. В сущности, это — старая крепостническая система хозяйства. Политический строй России за это время был тоже насквозь пропитан крепостничеством. Это видно и по государственному устройству до первых приступов к изменению его в 1905 году, и по преобладающему влиянию дворян-землевладельцев на государственные дела, и по всевластию чиновников, которые тоже были главным образом — особенно высшие — из дворян-землевладельцев.

Эта старая патриархальная Россия после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря «дешевому труду» разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность.

Вот эта быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых «устоев» старой России и отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя.

Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого

быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы. Острая ломка всех «старых устоев» деревенской России обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его мирозерцания. По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России³³, — он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь.

Критика Толстого не нова. Он не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской и в русской литературе теми, кто стоял на стороне трудящихся. Но своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России. Ибо критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у представителей современного рабочего движения именно тем, что Толстой стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина, Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение. Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах мил-

лионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитровцев»³⁴ и т. д. Толстой отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого.

Представители современного рабочего движения находят, что протестовать им есть против чего, но отчаиваться не в чем. Отчаяние свойственно тем классам, которые гибнут, а класс наемных рабочих неизбежно растет, развивается и крепнет во всяком капиталистическом обществе, в том числе и в России. Отчаяние свойственно тем, кто не понимает причин зла, не видит выхода, не способен бороться. Современный промышленный пролетариат к числу таких классов не принадлежит.

П. с. с., т. 20, стр. 38—41.

ТОЛСТОЙ И ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА³⁵

Толстой с огромной силой и искренностью бичевал господствующие классы, с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится современное общество: церковь, суд, милитаризм, «законный» брак, буржуазную науку. Но его учение оказалось в полном противоречии с жизнью, работой и борьбой могильщика современного строя, пролетариата. Чья же точка зрения отразилась в проповеди Льва Толстого? Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая уже ненавидит хозяев современной жизни, но которая *еще* не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними.

История и исход великой русской революции показали, что именно таковой была та масса, которая оказалась *между* сознательным, социалистическим пролетариатом и решительными защитниками старого режима. Эта масса, — главным образом, крестьянство, — показала в революции, как велика в ней ненависть к старому, как живо ощущает она все тягости современного режима, как велико в ней стихийное стремление освободиться от них и найти лучшую жизнь.

И в то же время эта масса показала в революции, что в своей ненависти она недостаточно сознательна, в своей борьбе непоследовательна, в своих поисках лучшей жизни ограничена узкими пределами.

Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого.

Изучая художественные произведения Льва Толстого, русский рабочий класс узнает лучше своих врагов, а разбираясь в учении Толстого, весь русский народ должен будет понять, в чем заключалась его собственная слабость, не позволившая ему довести до конца дело своего освобождения. Это нужно понять, чтобы идти вперед.

Этому-то движению вперед мешают все те, кто объявляет Толстого «общей совестью», «учителем жизни». Это — ложь, которую сознательно распространяют либералы, желающие использовать противореволюционную сторону учения Толстого. Эту ложь о Толстом, как «учителе жизни», повторяют за либералами и некоторые бывшие социал-демократы.

Только тогда добьется русский народ освобождения, когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир, — у пролетариата.

ГЕРОИ «ОГОВОРЧКИ»³⁶

Только что полученная нами десятая книжка журнала г. Потресова и К°, «Нашей Зари»³⁷, дает такие поразительные образчики беззаботности, а вернее: беспринципности в оценке Льва Толстого, на которых необходимо немедленно, хотя бы и вкратце, остановиться.

Вот статья нового ратника потресовской рати, В. Базарова³⁸. Редакция не согласна с «отдельными положениями» этой статьи, не указывая, конечно, каковы эти положения. Так ведь много удобнее для прикрытия путаницы!³⁹ Что касается до нас, то мы затрудняемся указать такие положения этой статьи, которыми мог бы не возмутиться человек, хоть капельку дорожающий марксизмом. «Наша интеллигенция, — пишет В. Базаров⁴⁰, — разбитая и раскисшая, обратившаяся в какую-то бесформенную умственную и нравственную слякоть, достигшая последней грани духовного разложения, единодушно признала Толстого — *всего* Толстого — своей совестью». Это — неправда. Это — фраза. Наша интеллигенция вообще, и интеллигенция «Нашей Зари» в частности, очень похожа на «раскисшую», но никакого «единодушия» в оценке Толстого она не проявила и не могла проявить, никогда *всего* Толстого правильно не оценивала и не могла оценить. И именно отсутствие единодушия и прикрывается сугубо лицемерной, вполне достойной «Нового Времени», фразой о «совести».

Базаров не борется со «слякотью», а поощряет слякоть.

Базарову «хочется напомнить о некоторых несправедливостях (!!)

по отношению к Толстому, в которых повинны русские интеллигенты вообще, а мы, радикалы разных толков, в особенности». Тут правды только то, что Базаров, Потресов и К° суть именно «радикалы разных толков», настолько зависимые от всеобщей «слякоти», что во время самого непростительного замалчивания коренных непоследовательностей и слабостей мирозерцания Толстого они петушком, петушком бегут за «всеми», крича о «несправедливости» к Толстому. Они не хотят опьянять себя «тем особенно распространенным среди нас наркотиком, который Толстой называет «озлоблением спора»», — это как раз такие речи, такие напевы, которые требуются обывателями, с бесконечным презрением отворачивающимися от спора из-за каких бы то ни было целиком и последовательно отстаиваемых принципов.

«Главная сила Толстого в том и состоит, что он, пройдя через все ступени типичного для современных образованных людей разложения, сумел найти синтез...» Неправда. Именно синтеза ни в философских основах своего мирозерцания, ни в своем общественно-политическом учении Толстой не сумел, вернее: не мог найти. «Толстой впервые (!) объективировал, т. е. создал не только для себя, но и для других, ту *чисто человеческую* (курсив везде самого Базарова) религию, о которой Конт, Фейербах и другие представители современной культуры могли только субъективно (!) мечтать» и т. д., и т. д.

Этакие речи хуже, чем обычная обывательщина. Это — принаряживание «слякоти» фальшивыми цветами, способное только ввести в обман людей. Более

полувекa тому назад Фейербах, не умея «найти синтеза» в своем мирозерцании, представлявшем во многих отношениях «последнее слово» немецкой классической философии, запутался в тех «субъективных мечтах», отрицательное значение которых давно уже было оценено действительно передовыми «представителями современной культуры»¹¹. Объявить теперь, что Толстой «впервые объективировал» эти «субъективные мечтания», значит уходить в лагерь поворачивающих вспять, значит льстить обывательщине, значит подпевать веховщине.

«Само собою разумеется, основанное Толстым движение (!?) должно претерпеть глубокие перемены, если ему действительно суждено сыграть великую всемирно-историческую роль: идеализация патриархально-крестьянского быта, тяготения к натуральному хозяйству и многие другие утопические черты толстовства, которые в настоящее время выпячиваются (!) на первый план и кажутся самым существенным, в действительности являются как раз субъективными элементами, не связанными необходимой связью с основой толстовской «религии»».

Итак, «субъективные мечты» Фейербаха Толстой «объективировал», а то, что Толстой отразил и в своих гениальных художественных произведениях и в своем полном противоречий учении, отмеченные Базаровым экономические особенности России прошлого века, это «как раз субъективные элементы» в его учении. Вот что называется попасть пальцем в небо. Но и то сказать: для «интеллигенции, разбитой и раскисшей» (и т. д., как выше цитировано), нет ничего приятнее, желательнее, милее, нет ничего более потворствующего ее раскислости, чем это возвеличение «объективированных» Толстым «субъективных мечтаний» Фейербаха и это *отвлечение* внимания от тех конкретных историко-экономических и политических вопросов, кото-

рые «в настоящее время выпячиваются на первый план»!

Понятно, что Базарову особенно не нравится «резкая критика», которую вызвало учение о непротивлении злу «со стороны радикальной интеллигенции». Для Базарова «ясно, что о пассивности и квиетизме тут говорить не приходится». Поясняя свою мысль, Базаров ссылается на известную сказку об «Иване Дураке»⁴² и предлагает читателю «представить себе, что солдат посылает на дураков не тараканский царь, а их собственный поумневший повелитель Иван, что при помощи этих солдат, набранных из самих же дураков и, следовательно, близких к ним по всему своему душевному складу, Иван хочет принудить своих подданных к выполнению каких-либо несправедливых требований. Совершенно очевидно, что дуракам, почти безоружным и не знакомым с ратным строем, нечего и мечтать о физической победе над войском Ивана. Даже при условии самого энергичного «сопротивления с насилием» дураки могут победить Ивана не физическим, а только моральным воздействием, т. е. только путем так называемой «деморализации» солдат Иванова войска»... «Сопротивление дураков с насилием достигает того же результата (но только хуже и с большими жертвами), как и сопротивление без насилия»... «Непротивление злу насилием или, общее, гармония средства и цели (!!) отнюдь не является идеей, свойственной только внеобщественным моральным проповедникам. Идея эта есть необходимая составная часть всякого цельного мирозерцания».

Так рассуждает новый ратник потресовской рати. Разбирать его рассуждения мы здесь не можем, да, пожалуй, достаточно на первый раз просто воспроизвести из них главное и добавить три слова: это — чистейшая веховщина.

Из заключительных аккордов кантаты на тему о том, что уши выше лба не растут: «Незачем изображать нашу слабость в виде силы, в виде превосходства над «квиелизмом» и «ограниченной рассудочностью» (а над непоследовательностью рассуждений?) Толстого. Этого не следует говорить не только потому, что это противоречит истине, но и потому также, что это мешает нам учиться у величайшего человека нашего времени».

Так. Так. Не к чему только сердиться, господа, и отвечать смешной бравадой и бранью (как г. Потресов в №№ 8—9 «Нашей Зари») ⁴³, если вас благословляют, одобряют и лобызают Изгоевы. От этих лобызаний и старым и новым ратникам потресовской рати не очиститься.

Генеральный штаб этой рати снабдил «дипломатической» оговорочкой статью Базарова. Но немногим лучше помещенная без всяких оговорочек передовица г. Неведомского ⁴⁴. «Вобрав в себя, — пишет сей вития современной интеллигенции, — и воплотив в законченном виде основные aspirations и стремления великой эпохи падения рабства в России, Лев Толстой оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — *начала совести*».

Бум, бум, бум... Вобрав в себя и воплотив в законченном виде основные манеры декламации, свойственные либерально-буржуазной публицистике, М. Неведомский оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — *начала празднословия*.

Еще одно, последнее сказанье:

«Все эти европейские поклонники Толстого, все эти Анатоли Франсы разных наименований и палаты депутатов, недавно голосовавшие огромным большинством против отмены смертной казни,

а теперь почтившие вставанием великого *цельного* человека, все это царство промежуточности, половинчатости, оговорочности — какой величавой, какой мощной, вылитой из единого чистого металла, фигурой стоит перед ними этот Толстой, это живое воплощение единого принципа».

Уф! Говорит красно — и все ведь это неправда. Не из единого, не из чистого и не из металла отлита фигура Толстого. И «все эти» буржуазные поклонники *как раз* не за «цельность», как раз за отступление от цельности «почтили вставанием» его память.

Одно только хорошее словечко нечаянно сболтнул г. Неведомский. Это словечко — оговорочность — так же хорошо аттестует господ из «Нашей Зари», как аттестует *их* вышеприведенная характеристика интеллигенции у В. Базарова. Перед нами сплошь и целиком — герои «оговорочки»⁴⁵. Потресов оговаривается, что не согласен с махистами, хотя и защищает их. Редакция оговаривается, что не согласна с «отдельными положениями» Базарова, хотя всякому ясно, что дело тут не в отдельных положениях. Потресов оговаривается, что его оклеветал Изгоев. Мартов оговаривается, что он не вполне согласен с Потресовым и Левицким, хотя именно им он служит верную политическую службу. Все они вместе оговариваются, что не согласны с Череваниным, хотя больше одобряют его *вторую* ликвидаторскую книжку, усугубляющую «дух» первого его детища. Череванин оговаривается, что не согласен с Масловым. Маслов оговаривается, что не согласен с Каутским.

Все они вместе согласны только в том, что они не согласны с Плехановым и что он клеветнически обвиняет их в ликвидаторстве, сам будто бы не будучи в состоянии объяснить своего теперешнего сближения с его вчерашними противниками.

Нет ничего проще, чем объяснение этого сближения, непонятного для людей оговорочных. Когда у нас был локомотив, мы расходились самым сильным образом относительно того, соответствует ли крепости сего локомотива, запасам топлива и т. д. быстрота, скажем, в 25 или в 50 верст в час. Спор об этом, как о всяком горячо волнующем вопросе, велся со страстью и нередко с озлоблением. Спор этот — решительно по каждому вопросу, по которому он возникал, — у всех на виду, всем открыт, договорен до конца, не замазан никакими «оговорочками». И никому из нас не приходит в голову брать что-либо назад или хныкать по поводу «озлобления спора». Но когда локомотиву случилось потерпеть поломку, когда он лежит в болоте, окруженный «оговорочными» интеллигентами, подлю хихикающими по поводу того, что «и ликвидировать нечего», ибо локомотива уже нет, тогда нас, вчерашних «озлобленных спорщиков», сближает одно общее дело. Ни от чего не отрекаясь, ничего не забывая, никаких обещаний об исчезновении разногласий не делая, мы общее дело делаем вместе. Мы все внимание и все усилия направляем на то, чтобы локомотив поднять, чтобы его обновить, укрепить, усилить, поставить на рельсы — о скорости движения и о повороте тех или иных стрелок успеем поспорить в свое время. Задача дня в наше трудное время — создать нечто, способное дать отпор «оговорочным» людям и «раскислым интеллигентам», поддерживающим прямо и косвенно царящую «слякоть». Задача дня — копать, хотя бы при самых тяжелых условиях, руду, добывать железо, отливать сталь марксистского мирозозерцания и надстроек, сему мирозозерцанию соответствующих.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ЕГО ЭПОХА⁴⁶

Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после 1861 и до 1905 года. Правда, литературная деятельность Толстого началась раньше и окончилась позже, чем начался и окончился этот период, но Л. Толстой вполне сложился, как художник и как мыслитель, именно в этот период, переходный характер которого породил все отличительные черты и произведений Толстого и «толстовщины».

Устами К. Левина в «Анне Карениной» Л. Толстой чрезвычайно ярко выразил, в чем состоял перевал русской истории за эти полвека.

«...Разговоры об урожае, найме рабочих и т. п., которые, Левин знал, принято считать чем-то очень низким,.. теперь для Левина казались одни важными. «Это, может быть, неважно было при крепостном праве, или неважно в Англии. В обоих случаях самые условия определены; но у нас теперь, когда все это переверотилось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть единственный важный вопрос в России», — думал Левин» (Соч., т. X, стр. 137)⁴⁷.

«У нас теперь все это переверотилось и только укладывается», — трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов.

То, что «переворотилось», хорошо известно, или, по крайней мере, вполне знакомо всякому русскому. Это — крепостное право и весь «старый порядок», ему соответствующий. То, что «только укладывается», совершенно незнакомо, чуждо, непонятно самой широкой массе населения. Для Толстого этот «только укладываемый» буржуазный строй рисуется смутно в виде пугала — Англии. Именно: пугала, ибо всякую попытку выяснить себе основные черты общественного строя в этой «Англии», связь этого строя с господством капитала, с ролью денег, с появлением и развитием обмена, Толстой отвергает, так сказать, принципиально. Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что «укладывается» в России никакой иной, как буржуазный строй.

Справедливо, что если не «единственно важным», то важнейшим с точки зрения ближайших задач всей общественно-политической деятельности в России для периода 1861—1905 годов (да и для нашего времени) был вопрос, «как уложится» этот строй, буржуазный строй, принимающий весьма разнообразные формы в «Англии», Германии, Америке, Франции и т. д. Но для Толстого такая определенная, конкретно-историческая постановка вопроса есть нечто совершенно чуждое. Он рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого («переворотившегося») строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов.

В «Люцерне» (писано в 1857 году) Л. Толстой объявляет, что признание «цивилизации» благом есть «воображаемое знание», которое «уничтожает

инстинктивные, блаженнейшие первобытные потребности добра в человеческой натуре». «Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель, — восклицает Толстой, — Всемирный Дух, проникающий нас» (Соч., II, 125)⁴⁸.

В «Рабстве нашего времени» (писано в 1900 году) Толстой, повторяя еще усерднее эти апелляции к Всемирному Духу, объявляет «мнимой наукой» политическую экономию за то, что она берет за «образец» «маленькую, находящуюся в самом исключительном положении, Англию», — вместо того, чтобы брать за образец «положение людей всего мира за все историческое время»⁴⁹. Каков этот «весь мир», это нам открывает статья «Прогресс и определение образования» (1862 г.). Взгляд «историков», будто прогресс есть «общий закон для человечества», Толстой побивает ссылкой на «весь так называемый Восток» (IV, 162). «Общего закона движения вперед человечества нет, — заявляет Толстой, — как то нам доказывают неподвижные восточные народы»⁵⁰.

Вот именно идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном историческом содержании. Отсюда и аскетизм, и непротivление злу насилием, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что «все — ничто, все — материальное ничто» («О смысле жизни», стр. 52)⁵¹, и вера в «Дух», «начало всего», по отношению к каковому началу человек есть лишь «работник», «приставленный к делу спасения своей души», и т. д. Толстой верен этой идеологии и в «Крейцеровой сонате», когда он говорит: «эмансипация женщины не на курсах и не в палатах, а в спальне»⁵², — и в статье 1862 года, объявляющей, что университеты готовят только «раздраженных, больных либера-

лов», которые «совсем не нужны народу», «бесцельно оторваны от прежней среды», «не находят себе места в жизни» и т. п. (IV, 136—137)⁵³.

Пессимизм, непротивленство, апелляция к «Духу» есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй «переворотился» и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, *каков* «укладывающийся» новый строй, *какие* общественные силы и как именно его «укладывают», какие общественные силы *способны* принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки».

Период 1862—1904 годов был именно такой эпохой ломки в России, когда старое бесповоротно, у всех на глазах рушилось, а новое только укладывалось, причем общественные силы, эту укладку творящие, впервые показали себя на деле, в широком общенациональном масштабе, в массовидном, открытом действии на самых различных поприщах лишь в 1905 году. А за событиями 1905 года в России последовали аналогичные события в целом ряде государств того самого «Востока», на «неподвижность» которого ссылался Толстой в 1862 году⁵⁴. 1905 год был началом конца «восточной» неподвижности. Именно поэтому этот год принес с собой исторический конец толстовщине, конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого — не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени.

Учение Толстого безусловно утопично и, по сво-

ему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов.

Есть социализм и социализм. Во всех странах с капиталистическим способом производства есть социализм, выражающий идеологию класса, идущего на смену буржуазии, и есть социализм, соответствующий идеологии классов, которым идет на смену буржуазия. Феодальный социализм есть, например, социализм последнего рода, и характер *такого* социализма давно, свыше 60 лет тому назад, оценен был Марксом наряду с оценкой других видов социализма⁵⁵.

Далее. Критические элементы свойственны утопическому учению Л. Толстого так же, как они свойственны многим утопическим системам. Но не надо забывать глубокого замечания Маркса, что значение критических элементов в утопическом социализме «стоит в обратном отношении к историческому развитию». Чем больше развивается, чем более определенный характер принимает деятельность тех общественных сил, которые «укладывают» новую Россию и несут избавление от современных социальных бедствий, тем быстрее критически-утопический социализм «лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания»⁵⁶.

Четверть века тому назад критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения *вопреки* реакционным и утопическим чертам толстовства. В течение последнего, скажем, десятилетия это не могло быть так, потому что историческое развитие шагну-

ло не мало вперед с 80-х годов до конца прошлого века. А в наши дни, *после* того, как ряд указанных выше событий положил конец «восточной» неподвижности, в наши дни, когда такое громадное распространение получили сознательно-реакционные, в узко-классовом, в корыстно-классовом смысле реакционные идеи «веховцев» среди либеральной буржуазии, — когда эти идеи заразили даже часть почитай-что марксистов, создав «ликвидаторское» течение, — в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляций к «Духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред.

П.с.с., т. 20, стр. 100—104.

*Фрагменты из статей, речей, писем
В. И. Ленина. Пометки*

I

Из прошлого.

Приводим сообщенный нам секретный документ, характеризующий обычные приемы нашего «внутреннего управления»:

КОПИЯ С КОНФИДЕНЦИАЛЬНОГО ПИСЬМА г. МОСКОВСКОГО
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА К г. МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ОТ 20-го ОКТЯБРЯ 1883 г. ЗА № 1920⁵⁷.

Шифрованной телеграммой от 12 сего октября Ваше сиятельство уведомили меня о необходимости принятия изложенных в помянутой телеграмме мер для устранения нежелательной демонстрации, которую могут произвести своими речами г.г. Б. Юрьев, Гольцев и граф Толстой в предположенном публичном заседании Общества Любителей Российской Словесности⁵⁸.

В этих видах я пригласил к себе председателя названного общества г. Юрьева, и усмотрев из его объяснений со мною, что на предложение г.г. Гольцеву и графу Толстому представить приготовляемые ими к заседанию статьи и речи они могут отозваться неимением их в рукописи, а затем, в самом заседании, потребовав слова, могут произнести приготовленное ими заранее, как бы импровизацию, причем отказать им в ту минуту в праве произнесения речей было бы неудобно, так как это могло бы возбудить в публике нежелательные толки, — я предпочел, по соглашению с г. Юрьевым, устранить вовсе предположенное заседание. С этой целью оно объявлено отложенным на неопределенное время. Формальным поводом к этому выставлено то, что лица, желающие участвовать в заседании своими статьями и речами, не все еще к этому подготовились.

О таком исходе этого дела имею честь уведомить Ваше сиятельство, покорнейше прося Вас, милостивый государь, принять уверение в моем совершенном почтении и преданности.

*«Исторический архив», 1955, № 6,
стр. 9.*

II

...Ворошилов-Чернов⁵⁹ своим облыжным обвинением Каутского в незнании ученых имен и научных открытий загромоздил и замял крайне интересный и поучительный эпизод модной критики, именно: атаку буржуазной экономии на социалистическую идею об уничтожении противоположности между городом и деревней. Профессор Луйо Brentano уверяет, например, что переселение из деревень в города вызывается не данными социальными условиями, а *естественной необходимостью*, законом убывающего плодородия почвы*...

Из работы «Аграрный вопрос и критика Маркса»⁶⁰. — П.с.с., т. 5, стр. 149.

* См. статью Каутского в «Neue Zeit», XIX, 2, 1900—1901, № 27: «Tolstoi und Brentano» («Толстой и Brentano». — *Ред.*). Каутский сопоставляет с современным научным социализмом учение Л. Толстого, остающегося глубоким наблюдателем и критиком буржуазного строя, несмотря на реакционную наивность своей теории, — и буржуазную экономию, «звезда» которой, Brentano (как известно, учитель гг. Струве, Булгакова, Герца и tutti quanti), обнаруживает самую невероятную путаницу, смешивая явления природы и явления общественные, смешивая понятия продуктивности и прибыльности, стоимости и цены и т. п. (...)

III

...несправедливо было бы обойти молчанием напечатанное в журнале «Вера и Разум» за 1901 г.* письмо «ученого либерала» к преосвященному Амвросию, архиепископу харьковскому. Автор подписался: «почетный гражданин из бывших духовных Иероним Преображенский» и кличку «ученого (!) либерала» дала уже ему редакция, убоившаяся, должно быть, «бездны премудрости». Ограничимся воспроизведением нескольких мест из этого письма, которое еще и еще раз показывает нам, что политическое мышление и политический протест проникают невидимым путем в неизмеримо более широкие круги, чем иногда кажется.

«Я уже старик, мне под 60 лет, на своем веку мне немало приходилось наблюдать уклонений от исполнения церковных обязанностей и по совести скажу, что во всех случаях причиной тому было наше духовенство. А за *«последние события»*⁶¹ так приходится даже усердно благодарить наше современное духовенство, оно открывает глаза многим. Теперь не только волостные писаря, но стар и млад, образованные, малограмотные и едва читающие, все теперь стремятся читать великого писателя земли русской. За дорогую цену достают его сочинения (заграничного издания «Свободного Слова», свободно обращающиеся в народе во всех странах мира, кроме России), читают, рассуждают, и решения, конечно, не в пользу духовенства. Массовая людская теперь уже начинает понимать, где ложь и где правда, и видит, что духовенство наше говорит одно, а делает другое, да и в словах своих частенько себе же противоречит. Мно-

* Пользуемся случаем поблагодарить корреспондента, приславшего нам отдельный оттиск из этого журнала. Наши командующие классы очень часто не стесняются показываться au naturel (в натуральном виде. — *Ред.*) в специальных тюремных, церковных и тому подобных изданиях. Давно пора нам, революционерам, приняться систематически утилизировать эту «богатую сокровищницу» политического просвещения.

го правды можно было бы высказать, но ведь с духовенством нельзя говорить откровенно, оно сейчас же не преминет донести, чтобы карали и казнили... А ведь Христос привлекал не силою и казнию, а правдою и любовью...

...В заключении своей речи Вы пишете: «есть у нас великая сила для борьбы — это самодержавная власть благочестивейших государей наших». Опять подтасовки и опять мы не верим Вам. ...После неудавшейся попытки патриарха Никона разыграть в России роль римских пап, совмещавших на Западе духовную власть с главенством светским, церковь наша, в лице высших своих представителей — митрополитов, всецело и навсегда подчинилась власти государей, и иногда деспотически, как это было при Петре Великом, диктовавшем ей свои указы... Да если бы и ныне царствующий самодержавец Николай II соизволил выразить свое благоволение достойному Льву Николаевичу — куда бы вы попрятались с своими кознями, страхами и угрозами?»...

Из работы «Внутреннее обозрение»⁶². — П.с.с., т. 5, стр. 339—341.

IV

...Спасибо за Вашу книгу⁶³, которую мне показывала В. Ив.⁶⁴. Очень и очень жалею, что не удастся взяться за ее чтение: во-первых, я очень был занят в последнее время брошюрой (против «Рабочего Дела») ⁶⁵, а во-вторых, опять расхварываюсь «неопределенной» болезнью. Работа стоит, и не знаю, скоро ли смогу засесть снова! А работа спешная...

Что касается до рекомендации Поповой, то, к моему великому сожалению, я совершенно не гожусь для этого. Лично я не знаю и никогда не знал Попову. Имел дело с ней *только через Струве* (к которому, Вы понимаете, с просьбой о рекомендации Вашей книги обращаться нечего и думать. А он ведь — заведующий редакцией изданий Поповой!). Мое обращение к Поповой, следовательно, скорее бы повлияло в отрицательном смысле.

Но и это еще не все. Я писал недавно (месяц или 1^{1/2}) Поповой, обращаясь к ней *в первый раз* с просьбой выслать мне один экземпляр второго тома Вебба, переведенного под моей редакцией и недавно только вышедшего в свет⁶⁶. Ни ответа, ни книжки до сих пор нет!

С Водовозовой у меня была некогда переписка «любезная», так сказать. Но на последнее (весной писанное!) письмо мое к ней (*деловое*) она *не ответила вовсе*. Как видите, и тут я совсем не гожусь.

Придется Вам либо поискать кого-либо с лучшими связями в литературных и издательских кругах, либо обратиться непосредственно к нескольким издателям с приложением Вашей книги...

*Из письма к Л. И. Аксельрод от
27 ноября 1901 г., Мюнхен. —
П.с.с., т. 46, стр. 158.*

V

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПРОВОКАТОР СРЕДИ СЕКТАНТОВ⁶⁷

Официальное сообщение о беспорядках в Павловках частью умолчало, частью извратило причины происшествия. Этого и следовало, конечно, ожидать: было бы смешно и недалновидно, если бы поджигатель, спаливши в целях получения страховой премии дом, объяснял бы потом следователю, сколько фунтов керосину для этого потребовалось. Царское правительство и дальновидно и не любит насмешек. Доведя ту или другую группу населения рядом «спасительных мероприятий», основанных на излюбленном и «истинно-русском» принципе — не мытьем, так катаньем — до открытого возмущения (будет ли то разгром фабрики, тюремная голодовка или крестьянский бунт и студенческие волнения), правительство, пользуясь монополией лживых «сообщений», спешит напустить туману в глаза простосердечным обывателям и тем охранить «общественное спокойствие».

Ниже приводимые факты помогут несколько рассеять пе-

лену правительственного тумана, сгустившуюся над павловскими толстовцами.

Достоверно известно, что сектантам пришлось много претерпеть притеснений от «православного» начальства, прежде чем решились они на разгром опостылевшей церкви-школы, выстроенной ради возвращения заблудших овец в лоно «истинной» церкви. Казалось, и духовные, и светские власти в ярости «на отца лжи», «антихриста» Л. Н. Толстого всячески стремились испытать терпение и силу непротивления злу в его последователях. Дело доходило до того, что сектантов преследовали за нарушение запрещения ходить по улицам двум-трем человекам вместе.

Еще более любопытным представляется личность агитатора, убедившего, наконец, сектантов, что в их положении непротивление злему надо оставить и следует употребить силу. Правительственные газеты этого агитатора называли агентом толстовца — кн. Хилкова, который, как известно, следуя заповеди Христа, отдал имение крестьянам, за что по повелению покойного «Миротворца», для вящего охранения семейных начал, был лишен отцовских прав — у него отняли детей, чтобы спасти их от заразы отца и сохранить для престола, воспитав из них таких же истинно-русских мерзавцев, каким был сам «Миротворец»⁶⁸. Оказывается, однако, что «агент кн. Хилкова» был самым *доподлинным и обыкновенным полицейским агентом провокатором*...*

...Словно черви по разлагающемуся трупу, расплозились иуды — агенты правительства по всему пространству самодержавной России. Много их и в нашей рабочей среде. Чутко прислушиваются они к свободному, честному, выстраданному рабочему слову, зорко приглядываются к проблескам пробуждающегося рабочего самосознания. Но горе вам, порождение абсолютизма, горе вам, дети Зубатовых, Васильевых, Пирамидовых! Заря политического освобождения рабочего класса не за горами. Настанет день народного суда, и помянутся вам и слезы павловских мужиков, и муки первых борцов за великое рабочее дело, за народное счастье!..

*«Исторический архив», 1955, № 6,
стр. 13—14.*

* Из другого источника нам тоже сообщают об этом провокаторе и прибавляют, что он подослан профессором Скворцовым, чиновником святейшего Синода, известным преследователем сектантов. Вот каковы наши пастыри христова стада! — *Ред.*

VI

... Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа. С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой. В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается»⁶⁹. Это была, действительно, нелепая идея. Нынче времена переменялись, и с превращением голодовки в нормальное состояние деревни наш паразит не столько носится с утопической мыслью накормить ограбленное крестьянство, сколько объявляет самую эту мысль государственным преступлением...

Из статьи «Признаки банкротства»⁷⁰. — П.с.с., т. 6, стр. 278.

VII

Чуть не каждый день приносит подтверждения этой «торговли», на которую мы так давно обращаем внимание русских пролетариев. Вот интересная телеграмма г. Леру из Петербурга от 2 июля н. ст.: Собрание представителей городов и земств 28 и 29 июня (15 и 16 ст. ст.) выработало еще раз (сотый раз!) конституционные требования и по телеграфу послало их в министерства. Требования выше обычных:

народное представительство требуется непременно на конституционных началах; «булыгинская» конституция прямо отвергается; требуется немедленное провозглашение неприкосновенности личности, свободы слова и т. д. ...

Если царь не исполнит наших требований, говорил «один из самых выдающихся представителей земского совещания» господину Леру, тогда мы «обратимся к народу».

Что собственно следует понимать под этим пресловутым «обращением к народу»? — спрашивает себя и своих читателей французский корреспондент. И отвечает: здесь нет «предместья св. Антония» (рабочий квартал Парижа: сравни фельетон в № 2 «Вперед») ⁷¹. Народ склонен не выходить на улицу, а сидеть дома, протестовать по-толстовски отказом от платежа податей!..

Не клеветайте на народ, господа буржуазные предатели свободы! Вам не смыть с себя никакими клеветами своей позорной трусости. Народ проливает свою кровь по всей России. В ряде городов, в массе деревень растут у нас свои «предместья св. Антония». Народ ведет отчаянную борьбу. Если вы хотели действительно «обратиться к народу» (а не грозить только своему союзнику, царю, этим обращением), то вы должны были бы ассигновать не сотни и тысячи рублей на ваши говорильни, а миллионы на вооруженное восстание. Вы должны были бы выбрать делегацию не для обивания порогов у царя, а для сношения с революционными партиями, с революционным народом...

Из статьи «Буржуазия торгуется с самодержавием, самодержавие торгуется с буржуазией»⁷². — П.с.с., т. 10, стр. 352—353.

VIII

...когда Аврамов с казаками истязает Спиридонову⁷³, это есть военно-полицейская диктатура над народом. Когда революционный (способный на борьбу с насильниками, а не только на увещания, назидания, сожаления, осуждения, хныканье и нытье, не мещански-ограниченный, а революционный) народ применяет насилие к Аврамову и Аврамовым, это есть диктатура революционного народа. Это есть *диктатура*, ибо это есть власть народа над Аврамовым, власть, не ограниченная никакими законами (мещанин, пожалуй, был бы против того, чтобы силой отбить Спиридонову от Аврамова: дескать, не по «закону» это? есть ли у нас такой «закон», чтобы убивать Аврамова? не создали ли некоторые идеологи мещанства теории непротивления злу насилем*?). Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть...

Из работы «Победа кадетов и задачи рабочей партии»⁷⁷.—П.с.с., т. 12, стр. 320.

* Г. Бердяев⁷⁴ гг. редакторы «Полярной Звезды» или «Свободы и Культуры»!⁷⁵ Вот вам еще тема для долгих воплей,... то бишь долгих статей против «хулиганства» революционеров. Называют, дескать, Толстого мещанином!!⁷⁶ — кель оррер, как говорила дама, приятная во всех отношениях.

IX

Бывает иногда, что опытные и осторожные политические деятели, хорошо понимая серьезную ответственность за всякий сколько-нибудь важный политический шаг, посылают вперед, вроде как на разведки, молодых и неосторожных вояк. «Туда умного не надо»⁷⁸, говорят себе такие деятели, предоставляя юнцам выболтать кое-что лишнее, чтобы таким путем позондировать почву.

Тов. Н. Рахметов в «Голосе Труда» производит впечатление именно такого юнца, выполняющего предначертанную ему миссию. И именно поэтому такая совершенно несерьезная статья, как статья т. Рахметова, — мы посмеялись над ней уже вчера⁷⁹ — приобретает с одной, известной, стороны несомненное политическое значение...

Из статьи «Кто за союзы с кадетами?»⁸⁰.—П.с.с., т. 13, стр. 244.

X

...Крепостное право *считается* отмененным. Но на деле у помещиков осталась и до сих пор такая власть в руках (благодаря награбленным ими землям), что они и теперь держат крестьянина в крепостной зависимости — *посредством отработков*. Отработки, это и есть современное крепостничество...

В чем сущность отработков? В том, что помещичья земля обрабатывается не помещичьим инвентарем, не наймом рабочих, а инвентарем крестьянина, *закабаленного* соседним помещиком. А идти в кабалу приходится мужику потому, что помещик

отрезал себе лучшие земли, посадив мужика на «песочек», загнав его на нищенский надел. Помещики отняли себе столько земли, что крестьянам не то, что хозяйство нельзя вести, но и «курицу выпустить некуда»...⁸¹

Из «Проекта речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе»⁸².— П.с.с., т. 15, стр. 130.

XI

Что это от Вас, дорогой А. М., вестей нет? Давно, писали Вы, кончили большую работу⁸³, собирались нам помочь в «Пролетарии». Когда же? Что если бы Вы фельетончик закатали о Толстом или тому подобное? Черкните, намерены ли...⁸⁴

Из письма к А. М. Горькому. Первая половина апреля 1908 г. Женева.— П.с.с., т. 47, стр. 154.

XII

...Ни данные о количестве земли у «верхних 30 тысяч» помещиков и у миллионов крестьянских дворов, ни данные о средневековых перегородах в крестьянском землевладении недостаточны еще для учета действительных размеров того, до какой степени «утеснен», прижат и задавлен наш крестьянин живыми остатками крепостничества... Русская земско-статистическая литература обогатила науку политическую экономию описанием замечательно оригинального, самобытного, едва ли где-нибудь виданного еще на

свете, способа ведения помещичьего хозяйства. Это — хозяйство *посредством отрезных земель*. Крестьяне «освобождены» в 1861 году от необходимых для их хозяйства водопоев, выгонов и т. п. Крестьянские земли вкrojены клином между помещичьими, так чтобы господам помещикам был обеспечен чрезвычайно верный — и чрезвычайно благородный — доход от взысканий за потравы и пр. «Куренка некуда выпустить»⁸⁵, — эта горькая крестьянская правда, этот «юмор висельника» лучше всяких длинных цитат повествует о той особенности крестьянского землевладения, которая не поддается статистическому выражению. Нечего и говорить, что эта особенность есть чистейшей воды крепостничество, как по своему происхождению, так и по влиянию на способ организации помещичьего хозяйства...

Из работы «Аграрный вопрос в России к концу XIX века»⁸⁶. — П.с.с., т. 17, стр. 65—66.

ХІІІ

...Трехлетний период золотых дней контрреволюции (1908—1910 гг.), видимо, приходит к концу и сменяется периодом начинающегося подъема. И летние стачки текущего года и демонстрации по поводу смерти Толстого ясно указывают на это. Организационная работа партии в России ослаблена до последней крайности, и этой слабостью пользуются самым беззастенчивым образом впередовцы и голосовцы, развивая свою антипартийную работу при помощи русских и заграничных фракционных центров...

Мы обязаны сложить с себя ответственность за этот *полный* застой работы запутавшихся игрой в при-

мирение с голосовцами центров и начать немедленно самостоятельную и самую энергичную работу по сплочению ортодоксальных большевиков, партийных меньшевиков и нефракционных социал-демократов для устройства совещаний, конференций, областных бюро, групп сношений с партийной литературой и т. д. К такой работе, которая одна только способна *на деле* вывести партию из тупика и освободить центры от «ухаживания» за голосовцами, мы и зовем всех партийцев социал-демократов...

Из работы «Открытое письмо ко всем социал-демократам партиям»⁸⁷. — П.с.с., т. 20, стр. 31—32.

XIV

...с лета текущего года начинается опять подъем. Число экономических стачечников *возрастает* и *возрастает* очень сильно. Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший* — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление*. Оживление в некоторых отраслях промышленности сейчас же ведет к оживлению пролетарской борьбы.

Пролетариат начал. Другие, буржуазные, демократические классы и слои населения, продолжают. Смерть умеренно-либерального, чуждого демократии, председателя I Думы, Муромцева, вызывает первое робкое начало манифестаций. Смерть Льва Толстого вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно

студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок.

В самое последнее время зверства царских тюремщиков, истязавших в Вологде и Зерентуе наших товарищей каторжан, преследуемых за их геройскую борьбу в революции, подняли еще выше брожение среди студентов. Повсюду в России происходят сходки и митинги, полиция силой врывается в университеты, избивает учащихся, арестует их, преследует газеты за малейшее правдивое слово о волнениях и всем этим только усиливает волнения.

Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции...

Из статьи «Начало демонстраций»⁸⁸. — П.с.с., т. 20, стр. 74—75.

XV

...Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать. Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись. Он ругает за это «Нашу Зарю» в ЦО (следующий номер)⁸⁹, я в «Мысли»⁹⁰ (сегодня получился № 1. Поздравьте — *наш* журнальчик в Москве, марксистский. То-то радости сегодня у нас было). В «Звезде» № 1 (вышла в С.-Петербурге 16.XII) есть тоже хороший фельетон Плеханова⁹¹ с *пошлым* примечанием⁹², за которое мы уже обругали *редакцию*. Эта дура Иорданский, вероятно, с Бончем сочинили! Но где же «Современнику» бороть-

ся против «легенды о Толстом и религии его». Это — Водовозов с Лопатиным? ⁹³ Шутить изволите.

Что студентов начали бить, это, по-моему, утешительно, а Толстому ни «пассивизма», ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя...

*Из письма к А. М. Горькому от
3 января 1911 г. Париж.— П.с.с.,
т. 48, стр. 11—12.*

XVI

...У нас все здоровы. Живем по-старому. Вчера читал здесь реферат о Толстом, — может быть, поеду с этим рефератом по Швейцарии в объезд... ⁹⁴

*Из письма к М. А. Ульяновой от
19 января 1911 г. Париж.— П.с.с.,
т. 55, стр. 319.*

XVII

...Подводя итог, можно выразить двумя словами суть и жизненный нерв социал-демократической избирательной платформы: *за революцию!* Лев Толстой сказал незадолго до своей смерти, и сказал с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением, что русский народ необыкновенно быстро «научился делать революцию» ⁹⁵. Мы жалеем только о том, что русский народ не доучился этой науке, без которой он целые века может остаться рабом у Пуришкевичей. Но правда то, что русский пролетариат, в своем стремлении к полному социалистическому преобразованию общества, дал русскому народу вообще и русским крестьянам в особенности незаменимые уроки в этой

науке. Никакие виселицы Столыпина, никакие потуги «веховцев» не заставят забыть этих уроков. Урок дан. Урок усваивается. Урок будет повторен...

Из статьи «Об избирательной кампании и избирательной платформе»⁹⁶. — П.с.с., т. 20, стр. 362.

XVIII

Грандиозная майская забастовка всероссийского пролетариата и связанные с ней уличные демонстрации, революционные прокламации и революционные речи перед толпами рабочих ясно показали, что Россия вступила в полосу революционного подъема.

Подъем этот вовсе не явился как снег на голову. Нет, он подготовлялся всеми условиями русской жизни уже давно, и массовые стачки в связи с ленскими расстрелами и с 1-м мая лишь окончательно определили его наступление. Временное торжество контрреволюции было неразрывно связано с упадком массовой борьбы рабочих. Число стачечников дает хотя и приблизительное, но зато безусловно объективное и точное представление о размерах этой борьбы.

За десять лет перед революцией, в 1895—1904 годах, среднее число стачечников было 43 тысячи в год (с округлением). В 1905 году — $2\frac{3}{4}$ миллиона, в 1906—1 миллион, в 1907 — $\frac{3}{4}$ миллиона. Трехлетие революции отличается *невиданным нигде в мире* подъемом стачечной борьбы пролетариата. Падение ее, начавшееся с 1906 и 1907 годов, окончательно определилось в 1908 году: 175 тысяч стачечников. Государственный переворот 3 июня 1907 года, восстановивший самодержавие царя в союзе с Думой черносотенных помещиков и торгово-промышленных тузов,

явился неизбежным результатом упадка революционной энергии масс.

Трехлетие 1908—1910 годов было эпохой разгула черносотенной контрреволюции, либерально-буржуазного ренегатства и пролетарского уныния и распада. Число стачечников все падает, доходя до 60 тысяч в 1909 и до 50 тысяч в 1910 году.

Но с конца 1910 года начинается заметный поворот. Демонстрации в связи с смертью либерала Муромцева и Льва Толстого, а также студенческое движение, ясно указывают, что повеяло иным ветром, наступил известный поворот в настроении демократических масс...

Из статьи «Революционный подъем»⁹⁷.— П.с.с., т. 21, стр. 339—340.

ХІХ

...В статье г. Крюкова «Без огня» о крестьянстве и крестьянской жизни и крестьянской психологии рассказывает некий сладенький попик, изображая крестьянство именно таким, каким оно *само* выступало и выступает. Если это изображение верно, то русской буржуазной демократии — в лице именно крестьянства — суждено крупное историческое действие, которое при сколько-нибудь благоприятной обстановке сопутствующих явлений имеет все шансы быть победоносным...

Сладенький попик вспоминает *пятый* год. Попик разъяснял тогда крестьянам манифест.

«Я-то ждал, — плачет он, — прозрения, тесного союза, *любви*, трезвости, здравого сознания, пробуждения, энергии... Прозрение-то как будто и явилось, но вместо единения и союза — злоба

и междоусобие. И первое всего деревня толкнула именно и меня и — порядочно. Кажись, я весь, душой и сердцем, был за нее... Эти самые свободы объяснял и все прочее. И как слушали! Я-то думал, что уж шире того, что я открывал, и открыть нельзя, ан нет... проникли в деревню и другие речи. И новые-то разъяснители заварили кашку много погуще: насчет земельки, равнения и господ. Конечно, мужички поняли и усвоили это моментально. И первым долгом пришли ко мне и объявили, что за ругу будут платить мне не двести, а сто...

...Однако особенно-то огорчил меня не этот факт — насчет сотни рублей, а совокупность всего, что так скоропалительно составило новый облик деревни. Уж как со всех сторон старались открыть ей глаза, освободить ее от пелены, темень эту ее осветить! И, если правду говорить, успели. Слепой человек увидел-таки чуточку света и с этого момента он уже не слепой... хотя и не прозрел. Но с этим полупрозранием ему пришло познание лишь самое горестное и злоба самая душная... И иной раз, может быть, вздохнет он о темном неведении своем. Такая злоба выросла в деревне, такая злоба, что, кажется, теперь весь воздух насыщен ею... Нож, дубина, красный петух. Очевидность бессилия, жгучие, неотомщенные обиды, междоусобная брань, ненависть без разбора, зависть ко всему более благополучному, уютному, имущему. И прежде, конечно, зависть жила, и злоба, и скорбь, и грех смрадный, но верили люди в волю божию и тщету мирских благ, верили и находили силу терпеть в уповании на загробную награду. Нынче этой веры уже нет. Нынче там вера такая: мы — поработители, они — порабощенные. Из всех толкований о свободе на деревенской почве выросли плевели и дурман... А вот теперь этот новый закон о земле, — брат на брата восстал, сын на отца, сосед на соседа! Злоба и смута пошла такая, что задохнется в ней деревня, непременно задохнется».

Мы подчеркнули в этом характерном описании деревни сладкоречивым попиком (чистейший народник-интеллигент!) некоторые особенно характерные словечки.

Попик — сторонник «любви», враг «ненависти». В этом отношении он целиком разделяет ту толстовскую (можно также сказать: ту христианскую) глубочайше-реакционную точку зрения, которую постоянно развивают наши кадеты и кадетоподобные. Помечтать о какой-нибудь «социализации земли», побол-

тать о «социалистическом» значении коопераций, о «нормах землевладения» такой попик, наверное, не прочь, но вот когда дело дошло до ненависти вместо «любви», тут он сразу спасовал, раскис и нюни распустил.

Словесный, фразистый «социализм» («народный, а не пролетарский») — сколько угодно, это и в Европе любой мещанин из грамотных одобрит. Ну, а ежели дошло дело до «ненависти» вместо «любви», тут финал. Социализм гуманной фразы — мы за; революционная демократия — мы против...

Из статьи «Что делается в народничестве и что делается в деревне?»⁹⁸. — П.с.с., т. 22, стр. 365, 366—368.

XX

В типографии П. П. Рябушинского в Москве вышла в свет интересная книга под заглавием «Общество заводчиков и фабрикантов московского промышленного района в 1912 году» (Москва, 1913 г.)...

«Характерным для минувшего года, — пишут гг. фабриканты, — был необыкновенный рост числа политических стачек, которые то и дело прерывали нормальный ход работ и держали всю промышленность в напряженном состоянии». Следует перечисление важнейших стачек второй половины года: август — в Риге против лишения рабочих избирательных прав; сентябрь — в Варшаве по поводу событий в Кутомарах на каторге; октябрь — в Петербурге по поводу кассации выборов уполномоченных, в Ревеле в память событий 1905 года, в Петербурге по поводу известного приговора по делу матросов военного флота;

ноябрь — в Петербурге по поводу севастопольского приговора и в день открытия Думы, затем одна стачка по поводу двухлетней годовщины смерти Л. Толстого; декабрь — в Петербурге по поводу назначения рабочих в страховые учреждения. Отсюда гг. фабриканты делают вывод:

«Частота следующих одна за другою демонстративных забастовок, необычайное разнообразие и различный удельный вес мотивов, по которым рабочие считали нужным прервать работы, свидетельствует не только о сильном сгущении политической атмосферы, но и о падении фабрично-заводской дисциплины». Следуют обычные угрозы «суровыми мерами»: штрафами, отменой наград, локаутами. «Интересы отечественного производства, — заявляют фабриканты, — настойчиво требуют подъема заводской дисциплины на ту высоту, на которой она находится в западноевропейских странах».

Господа фабриканты желают поднять до «западной» высоты «дисциплину», но о таком же поднятении «политической атмосферы» думать не желают...

Из статьи «Фабриканты о рабочих стачках»⁹⁹. — П.с.с., т. 23, стр. 195, 196—197.

XXI

...Решили с Володей после праздников приняться за исследование здешней университетской библиотеки, а то стыд и срам, ни разу даже там не были. Без чего мы прямо тут голодаем — это без беллетристики. Володя чуть не наизусть выучил Надсона и Некрасова, разрозненный томик Анны Карениной перечитывается в сотый раз. Мы беллетристику нашу (ничтожную часть того, что было в Питере) оставили в Париже, а тут негде достать русской книжки. Иногда с

завистью читаем объявления букинистов о 28 томах Успенского, 10 томах Пушкина и пр. и пр.

Володя что-то стал, как нарочно, большим «беллетристом». И националист отчаянный. На польских художников его калачом не заманишь, а подобрал, напр., у знакомых выброшенный ими каталог Третьяковской галереи и погружался в него неоднократно...

Из письма В. И. Ленина и Н. К. Крупской к М. А. Ульяновой от 26 декабря 1913 г. Краков.— П.с.с., т. 55, стр. 347.

XXII

...Русский язык — велик и могуч, говорят нам либералы. Так неужели же вы не хотите, чтобы каждый, кто живет на любой окраине России, знал этот великий и могучий язык? Неужели вы не видите, что русский язык обогатит литературу инородцев, даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям и т. д.?

Все это верно, господа либералы, — отвечаем мы им. Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о «культуре» вы ни сказали бы, *обязательный* государственный язык сопря-

жен с принуждением, вколачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки...*

Из статьи «Нужен ли обязательный государственный язык?»¹⁰⁰. — П.с.с., т. 24, стр. 294—295.

XXIII

От бурной эпохи 1905 года нас отделяет менее десяти лет, а между тем перемена, которая произошла за это короткое время в России, кажется громадной. Россия как будто сразу превратилась из патриархальной в современную капиталистическую страну. Идеолог старой России, Л. Н. Толстой, выразил это в характерной и забавно-грустной тираде, жалуясь на то, что русский народ «удивительно быстро научился делать революцию и парламенты»¹⁰¹.

Разумеется, «внезапное» превращение России в буржуазную страну возможно было в течение пяти или десяти лет XX века только потому, что вся вторая половина прошлого века была одним из этапов смены крепостнических порядков буржуазными...

Из статьи «Еще одно уничтожение социализма»¹⁰². — П.с.с., т. 25, стр. 33.

XXIV

...Нам говорят: поддерживая право на отделение, вы поддерживаете буржуазный национализм угнетенных наций. Так говорит Роза Люксембург, так повторяет за ней оппортунист Семковский — единствен-

ный, кстати сказать, представитель ликвидаторских идей по этому вопросу в ликвидаторской газете!..

И подобный невероятный вздор пишут в органе ликвидаторов, в котором одним из идейных руководителей является г. Л. Мартов. Тот самый Л. Мартов, который составлял проект программы и проводил его в 1903 году, который и позже писал в защиту свободы отделения. Л. Мартов рассуждает теперь, видимо, по правилу:

Туда умного не надо,
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю¹⁰³.

Он посылает Реада-Семковского и позволяет в ежедневной газете, перед новыми слоями читателей, не знающих нашей программы, извращать ее и путать без конца!

Да, да, ликвидаторство далеко зашло, — от партийности у очень многих даже видных бывших с.-д. не осталось и следа.

Розу Люксембург, конечно, нельзя приравнивать к Либманам, Юркевичам, Семковским, но тот факт, что именно подобные люди уцепились за ее ошибку, доказывает с особенной наглядностью, в какой оппортунизм она впала...

Из работы «О праве наций на самоопределение»¹⁰⁴. — П.с.с., т. 25, стр. 275, 316.

XXV

...Наша партия не боится заявить публично, что она встретит сочувствием войны или восстания, которые Ирландия могла бы начать против Англии, Марок-

ко, Алжир, Тунис — против Франции, Триполи — против Италии, Украина, Персия, Китай — против России и т. д.

А социал-шовинисты? А «центристы»? Осмелятся ли они открыто и официально заявить, что они стоят или будут стоять за «защиту отечества» в случае, ежели, например, разразится война между Японией и Соединенными Штатами, война вполне империалистская, которая грозит многим сотням миллионов людей и подготавливается в продолжение десятков лет? Пусть попробуют! Я готов биться об заклад, что они не сделают этого, ибо они слишком хорошо отдают себе отчет в том, что если бы они на это решились, то стали бы посмешищем рабочих масс, были бы освистаны ими и выгнаны из социалистических партий. Вот почему социал-шовинисты и «центристы» будут избегать всякого открытого заявления по этому вопросу и будут продолжать вилять, лгать, запутывать вопрос и отделяться софизмами вроде того, который принят последним конгрессом французской партии в 1915 г.: «Страна, подвергшаяся нападению, имеет право обороняться».

Как будто суть в том — кто напал первым, а не в том, каковы причины войны, цели, которые она себе ставит, и классы, которые ее ведут. Можно ли, например, допустить, что социалисты могли бы, находясь в здравом уме, признать в 1796 г. право на «защиту отечества» за Англией, когда революционные французские войска стали брататься с ирландцами? А между тем ведь именно французы нападали в этот момент на Англию, и французская армия готовилась даже к десанту в Ирландии. И можно ли было бы завтра признать право на «защиту отечества» за Россией и за Англией, если вслед за тем, как они получили урок от Германии, на них напала бы Персия в союзе с Ин-

дией, Китаем и другими революционными народами Азии, совершающими свой 1789 и свой 1793 годы?

Таков мой ответ на прямо-таки смешное обвинение, сделанное нам, будто мы разделяем идеи Толстого. Наша партия отвергла как толстовское учение, так и пацифизм, заявив, что социалисты должны в настоящей войне стремиться превратить ее в гражданскую войну пролетариата против буржуазии, за социализм.

Если вы мне скажете, что это утопия, я вам отвечу, что, очевидно, буржуазия Франции, Англии и т. д. не разделяет вашего мнения, ибо она не стала бы, конечно, играть гнусную и смешную роль, доходя до заключения в тюрьму и мобилизации «пацифистов», если бы она не предчувствовала и не предвидела неотвратимого и непрерывного нарастания революции и ее близкого наступления...

Из работы «Открытое письмо Борису Суварину»¹⁰⁵ — П.с.с., т. 30, стр. 264—265.

XXVI

...Прочел «Plaidoirie» Humbert-Droz!!¹⁰⁶ Боже, какая каша в голове! И это в 1916 году! Толстовец — боюсь, что *безнадежный*...

Из письма к И. Ф. Арманд от 17 декабря 1916 г. Цюрих.— П.с.с., т. 49, стр. 339.

XXVII

...Читал Humbert-Droz «Plaidoirie». Боже мой, какой пошляк толстовства!! ...Думаю: нет ли в Швейца-

рии бациллы мелкобуржуазного (и мелкогосударственного) тупоумия, толстовства, пацифизма, губящей лучших людей? Наверное, есть! ...

*Из письма к И. Ф. Арманд от
18 декабря 1916 г. Цюрих.—
П.с.с., т. 49, стр. 341.*

XXVIII

1) 22 января (9 января) = начало революции.
Война ускорила.

2) Краткое изложение событий с 22 января...

16) Значение: (а) Россия обновляется (Лев Толстой сожалеет)...¹⁰⁷

*Из «Плана доклада о революции
1905 года»¹⁰⁸.— П.с.с., т. 54,
стр. 478, 480.*

XXIX

...С Humb.-Droz¹⁰⁹, раз он толстовец, надо бороться по всей линии. Обязательно! ...

*Из письма к И. Ф. Арманд от
14 февраля 1917 г. Цюрих.—
П.с.с., т. 49, стр. 385.*

XXX

...Что касается международного положения республики, то вы, конечно, очень осведомлены относительно основных фактов, касающихся польского на-

ступления. За границей распространяется неслыханное количество лжи по этому вопросу благодаря так называемой свободе печати, которая состоит в том, что все главные органы печати за границей скуплены капиталистами и заполнены на 99 процентов статьями продажных писак. Это у них называется свободой печати, и благодаря этому нет той лжи, которая не была бы распространена. В частности, относительно польского наступления дело изображается так, что большевики предъявили Польше неисполнимые требования и начали наступление, тогда как вы все прекрасно знаете, что мы вполне соглашались даже на те необъятные границы, которые до начала наступления были поляками заняты. Мы ставили сохранение жизни наших красноармейцев выше войны из-за Белоруссии и Литвы, которые поляками были захвачены. Мы самым торжественным образом не только от имени Совнаркома, но и в специальном манифесте от ВЦИК, от нашего высшего учреждения Советской республики, заявили польскому правительству, буржуазному помещицкому правительству, независимо от нашего обращения к польским рабочим и крестьянам, что мы предлагаем мирные переговоры¹¹⁰ на основе того фронта, который тогда был, т. е. того фронта, который Литву и Белоруссию, непольские земли, оставлял полякам; мы были уверены и продолжаем сейчас быть уверенными, что польским помещикам и капиталистам чужих земель не удержать и что путем даже самого невыгодного для нас мира мы выиграем больше, сберегая жизнь наших красноармейцев, ибо мы от каждого месяца мира усиливаемся в десятки раз, а всякое иное правительство, в том числе буржуазное правительство Польши, от каждого месяца мира разлагается все больше и больше. Несмотря на то, что наши предложения в области мира шли чрезвычайно далеко, несмот-

ря на то, что некоторые из очень торопливых и по части языка в высокой мере революционных революционеров называли даже наши предложения толстовскими, хотя на самом деле большевики, кажется, своей деятельностью достаточно доказали, что толстовщины в нас никто не найдет ни одного грана, мы считали своим долгом перед таким делом, как война, доказать, что мы идем на максимально возможные уступки...

Из «Речи на 2-м Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне 12 июня 1920 г.»¹¹¹. — П.с.с., т. 41, стр. 138—139.

XXXI

...велико значение победы, которую в конечном итоге одержала Красная Армия, несмотря на поражение под Варшавой¹¹², так как она поставила Польшу в такое положение, что она не имеет совершенно сил продолжать войну. Она должна была пойти на мир, который ей дал меньше, чем то, что мы предлагали в апреле 1920 года, перед польским наступлением, когда мы, не желая отрываться от работ хозяйственного строительства, предлагали границы в высшей степени нам невыгодные. Тогда пресса мелкобуржуазных патриотов, к которым принадлежат и наши эсеры и меньшевики, обвиняла большевиков в примиренчестве и почти в толстовском отношении, проявленном Советской властью. Она называла толстовским отношением то, что мы соглашались на мир по тогдашней линии Пилсудского, по линии, по которой Минск оставался в руках Польши, а граница проходила верст на 50,

а местами верст на 100 восточнее той, которая установлена теперь. Но, конечно, мне нет надобности перед собранием партийных работников останавливаться на том, почему мы соглашались и должны были соглашаться на худшие границы, если бы, действительно, наша хозяйственная работа не была прервана. В результате получилось то, что Польша, сохраняя буржуазный порядок, вызвала войной крайнее хозяйственное расстройство всей страны, вызвала чрезвычайный рост недовольства, вызвала буржуазный террор, который свирепствует не только против промышленных рабочих, но и против батраков. Общее буржуазное положение Польши сделалось до такой степени неустойчивым, что и речи быть не могло о продолжении войны...

Из речи «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии». 21 ноября 1920 г.¹¹³.— П.с.с., т. 42, стр. 19—20.

XXXII

...вещь, которую следует упомянуть, когда речь идет о международном положении, это — положение с мирными переговорами в Риге. Вы знаете, что для заключения мира, хоть сколько-нибудь прочного, мы, по отношению ко всем государствам, входившим раньше в состав Российской империи, делаем как можно больше уступок. Это понятно, так как одной из главных сил, которая вызывает ненависть к империалистам и сплачивает народы против них, является угнетение национальности, и немного найдется государств в мире, которые так погрешили в этом отношении, как старая Российская империя и буржуазная рес-

публика Керенского, меньшевиков и эсеров в союзе с буржуазией. Вот почему именно по отношению к этим государствам мы проявляем больше всего уступчивости, идя на такие мирные условия, за которые некоторые эсеры нас бранили чуть ли не толстовцами. Мы к этим упрекам относимся очень хладнокровно, потому что по отношению к этим государствам мы должны проявить наибольшую уступчивость, чтобы там рассеять вековое недоверие, порожденное прежним угнетением, и положить начало союзу рабочих и крестьян разных наций, которые некогда вместе страдали от царизма и русских помещиков и теперь страдают от империализма. ...Одним из условий, объясняющих, почему мы не можем демобилизовать нашу армию так, как мы этого хотели бы, является то, что мы должны считаться с войной в гораздо больших размерах, чем некоторые это думают. Ошибаются те, которые говорят, что мы могли бы и не так много силы уделять на военное дело. Ошибаются поэтому, что нашими врагами все козни и интриги сейчас пускаются в ход для того, чтобы окончательный мир с Польшей, предварительный мир с которой уже подписан, сорвать... И поэтому мы ни на минуту и ни на йоту своих военных сил не уменьшим и не ослабим, в то же время не боясь делать несколько больше уступок по отношению к буржуазной Польше, лишь бы оторвать рабочих и крестьян Польши от Антанты и доказать им, что рабоче-крестьянская власть национальной грызней не занимается. Мир этот мы будем отстаивать даже ценой не всегда легких жертв...

Из «Речи на заседании Пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов 28 февраля 1921 г.»¹¹⁴. — П.с.с., т. 42, стр. 354—356.

Из воспоминаний о В. И. Ленине.

I

...Все почти вечера мы с ним [Лениным.— *Ред.*] проводили за чтением книг, больше беллетристики; читали «Анну Каренину» и другие произведения Л. Н. Толстого.

Илья Николаевич, заходя к нам и часто заставляя нас за чтением Толстого, беседовал с Володией и со мной о прочитанных книгах...

В. Л. Персиянинов. Воспоминания¹¹⁵. — Сб. «Молодые годы В. И. Ленина». «Молодая гвардия», М., 1960, стр. 155.

II

...Владимир Ильич юношей читал очень много беллетристики. Анна Ильинична рассказывала как-то, что Владимир Ильич, будучи в старших классах гимназии, массу времени употреблял на чтение Тургенева. Ильич хорошо знал... Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Л. Толстого, Щедрина. Хорошо знал Белинского, Добролюбова, Писарева, Герцена, Чернышевского...

Н. К. Крупская. О преподавании литературы. — Педагогические сочинения в 10-ти томах. М., 1959, т. 3, стр. 532—533.

III

...По вечерам Владимир Ильич обычно читал книжки по философии — Гегеля, Канта, французских материалистов, а когда очень устанет — Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Когда Владимир Ильич впервые появился в Питере и я его знала только по рассказам, слышала я от Степана Ивановича Радченко: Владимир Ильич только серьезные книжки читает, в жизнь не прочел ни одного романа. Я подивилась; потом, когда мы познакомились ближе с Владимиром Ильичем, как-то ни разу об этом не заходил у нас разговор, и только в Сибири я узнала, что все это чистая легенда. Владимир Ильич не только читал, но много раз перечитывал Тургенева, Л. Толстого, «Что делать?» Чернышевского, вообще прекрасно знал и любил классиков. Потом, когда большевики стали у власти, он поставил Госиздату задачу — переиздание в дешевых выпусках классиков...

Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат, М., 1957, стр. 31—32.

IV

Товарищ, познакомивший меня впервые с Владимиром Ильичем, сказал мне, что Ильич — человек ученый, читает исключительно ученые книжки, не прочитал в жизни ни одного романа, никогда стихов не читал. Подивилась я. Сама я в молодости перечитала всех классиков, знала наизусть чуть ли не всего Лер-

монтова и т. п., такие писатели, как Чернышевский, Л. Толстой, Успенский, вошли в мою жизнь как что-то значащее. Чудно мне показалось, что вот человек, которому все это не интересно нисколько.

Потом на работе я близко узнала Ильича, узнала его оценки людей, наблюдала его пристальное вглядывание в жизнь, в людей — и живой Ильич вытеснил образ человека, никогда не бравшего в руки книг, говоривших о том, чем живы люди.

Но жизнь тогда сложилась так, что не удосужились мы как-то поговорить на эту тему. Потом уж, в Сибири, узнала я, что Ильич не меньше моего читал классиков...

Н. К. Крупская. Что нравилось Ильичу из художественной литературы. — «Воспоминания родных о В. И. Ленине». Госполитиздат, М., 1955, стр. 192.

V

...Помню Ильича у Г. В. Плеханова, кажется, в конце 1902 г. В этот вечер обсуждался вопрос о не совсем тактичной прокламации, кажется, пермского комитета, в которой была дана характеристика Льва Толстого как идеолога мелкой буржуазии, показавшаяся некоторым, в том числе и Г. В. Плеханову, слишком упрощенной и неверной. Присутствовала еще, кажется, В. И. Засулич и некоторые ростовские рабочие. Говорил больше по этому поводу Г. В. Плеханов, читавший художественный гений Толстого очень высоко. В. И., мнение которого о Льве Толстом мне особенно было интересно узнать, на этот раз мало говорил и слушал больше, что говорит Плеханов; в конце концов он при-

соединился к плехановскому взгляду в оценке прокламации, присовокупив при этом: «Конечно, ребята перехватили через край»...¹⁶

Л. С. Федорченко (Н. Чаров). От Ульянова к Ленину (Из прошлого).— «Каторга и ссылка», 1924, № 3 (10), стр. 17.

Я точно не помню, пермская или екатеринбургская организация выпустила тогда прокламацию о Толстом. Помню только, что она была крайне неудачно составлена, и Г. В. Плеханов и после часто вспоминал о ней, как об образце «идейной неряшливости» и «идейного верхоглядства». Помню случай, когда Плеханов в моем присутствии говорил одному ростовцу-рабочему тов. Амвросию (Мочалову): «Когда будете писать прокламации о каком-либо литературном явлении, то не следуйте примеру пермских товарищей, желавших в своей прокламации разломать пьедестал, на котором сидит Толстой». Об отношении Ленина к Толстому я узнал позже описанного мною вечера от покойного В. В. Воровского, который говорил, что Ильич считал Толстого гением и тоже не считал возможным допустить со стороны марксистов суздальское отношение к нему.

Сб. «Ленин и Толстой». Изд-во Коммунистической академии, М., 1928, стр. 98.

VI

...Вплоть до II съезда программы у партии не было. Редакция «Искры» эту программу подготовила. Долго обсуждалась она в редакции. Обосновывалось, взвешивалось каждое слово, каждая фраза, шли горячие споры. Между мюнхенской и швейцарской частью редакции месяцами велась переписка о программе. Многим практикам казалось, что эти споры носят чисто кабинетный характер и что совсем не важно, будет стоять в программе какое-нибудь «более или менее» или его стоять не будет.

Мы вспоминали однажды с Владимиром Ильичем одно сравнение, приведенное где-то Л. Толстым: идет он и видит издали — сидит человек на корточках и машет как-то нелепо руками; он подумал — сумасшедший, подошел ближе, видит — человек нож о тротуар точит¹¹⁷. Так бывает и с теоретическими спорами. Слушать со стороны: зря люди препираются, вникнуть в суть — дело касается самого существенного. Так и с программой было.

Когда в Женеву стали съезжаться депутаты, больше всего, детальнее всего с ними обсуждался вопрос о программе. На съезде этот вопрос прошел наиболее гладко...

Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат, М., 1957, стр. 73.

VII

...В период пребывания в Париже в 1909—1912 годах, живя мыслью о России, Владимир Ильич внимательно изучал и французское рабочее движение. Он

требовал и от нас, членов парижской секции, активного участия в политической жизни Франции. Поэтому члены нашей секции изучали французский язык, историю революционного движения Франции и других западноевропейских стран, посещали собрания рабочих, участвовали в профессиональном движении, поддерживали все политические мероприятия рабочих организаций Парижа. Члены нашей секции — Н. К. Крупская, Инесса Арманд, С. И. Гопнер и другие — вели активную работу среди французских рабочих и работниц.

Наша организация весьма нуждалась в деньгах для печатания литературы. Деньги добывались устройством лекций, рефератов, лотерей, концертных вечеров и т. д. Один такой вечер было поручено организовать мне...

Наш вечер состоялся в зале дома № 8 по улице Дантона (в Латинском квартале). Этот зал был привычным местом наших встреч. Там Ленин читал свой знаменитый реферат о Льве Толстом...

Т. Людви́нская. В Териоках и в Париже.— Сб. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1. Госполитиздат, М., 1956, стр. 410.

VIII

...В Швейцарии повсюду царило ярко выраженное мещанство. Приехала как-то в Берн русская труппа, игравшая на немецком языке; ставили пьесу Л. Толстого «Живой труп». Мы тоже пошли. Играли очень хорошо. Ильича, который ненавидел до глубины души всякое мещанство, условность, эта пьеса чрезвычайно

разволновала. Потом он хотел еще раз пойти ее смотреть. Вообще русским она очень нравилась. Пьеса понравилась и швейцарцам. Но чем понравилась пьеса им — им ужасно жаль было жены Протасова, они принимали к сердцу ее участь. «Такой непутевый муж ей попался, а ведь люди они были богатые, с положением, как счастливо могли бы жить. Бедная Лиза!»...

Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат, М., 1957, стр. 252.

IX

...Мы редко ходили в театр. Пойдем, бывало, но ничтожность пьесы или фальшь игры всегда резко били по нервам Владимира Ильича. Обычно, пойдем в театр и после первого действия уходим. Над нами смеялись товарищи, — зря деньги переводим.

Но раз Ильич досидел до конца; это было, кажется, в конце 1915 года; в Берне ставили пьесу Л. Толстого «Живой труп». Хоть шла она по-немецки, но актер, игравший князя, был русский, он сумел передать замысел Л. Толстого. Ильич напряженно и взволнованно следил за игрой...

Н. К. Крупская. Что нравилось Ильичу из художественной литературы. — «Воспоминания родных о В. И. Ленине». Госполитиздат, М., 1955, стр. 195.

X

...У Льва Толстого есть одно замечательное описание весны в лесу в «Анне Карениной»: пробиваются самые первые ростки травы, и вот стоит Левин, отпра-

вившийся с ружьем на охоту, и видит, как шевельнулся иссохший лист — толкнул его пробившийся сквозь зелень молодой росток травы. Как-то говорили мы с Ильичем об этом листке у Л. Толстого, потом Ильич не раз употреблял выражение «ростки новой жизни»...

Н. К. Крупская. Счет подрастающих поколений. — Педагогические сочинения в 10-ти томах, т. 3. М., 1959, стр. 635.

XI

...Когда Владимиру Ильичу приходилось работать над какими-нибудь сочинениями, декретами или заявлениями, которые должны были обращаться к широким массам, то он всегда помнил сам и требовал такой же памяти от других, что все это идет именно в массы, а поэтому должно быть особенно тщательно просмотрено, особенно популярно, но отнюдь не вульгарно написано. Если он видел, что изложение страдает отсутствием популярности, то всегда спрашивал: «Неужели по-русски вы не можете изложить свои мысли так, чтобы они были действительно доступны всем? Русский язык очень богатый. Если вы этого не делаете, то виноваты вы сами, а не тот язык, на котором вы пишете». Он требовал от каждого, и чем более ответствен был товарищ, тем строже, чтобы автор тщательно работал над своими трудами, достигая наибольшей ясности.

Он терпеть не мог... усвоенный у нас газетный язык, который часто был настолько беден, труден, скучен и непонятен, что Владимир Ильич не однажды восклицал при чтении газет: «На каком языке это напи-

сано? Тарабарщина какая-то?! Волапюк¹¹⁸, а не язык Толстого и Тургенева»...

Влад. Бонч-Бруевич. Как работал Владимир Ильич (Из воспоминаний). — «Читатель и писатель», 1928, № 2, стр. 1.

ХИ

Иду по Кремлю.

Впереди, в отдалении, около Малого дворца, маячит кучка людей, медленно подвигающаяся вперед...

За ней, в близком отдалении, кто-то в черном. Всматриваюсь: да ведь это Владимир Ильич!

«Что такое? — думаю. — Время тревожное — 18-й год, весна, а он один и тут какие-то незнакомые люди...»

Гуляет... Не любит он, чтобы мешали ему «гулять» и нарушали бы его раздумье. «Пойду навстречу. Так лучше... — подумал я. — Как будто бы встречусь случайно, неожиданно. Посмотрю, что там за люди... Боязно как-то...» — и сейчас же мигом, через двор казарм, туда, к Успенскому собору, и почти бегом к памятнику Александру II.

Смотрю, идет за двумя красноармейцами и двумя рабочими. Пересекает площадь к памятнику...

Я замедлил, и, когда они пошли по тротуару, я навстречу.

Лицо Владимира Ильича веселое, улыбающееся. Вскинул на меня глаза, приветствует, зовет... Я к нему...

— Преинтересная встреча, — говорит тихонько мне, здороваясь. — Как зол народ! Как ненавидит старое... Вот идут, осматривают Кремль. Останавлива-

ются около дворцов и с ненавистью говорят о царях, о вельможах, о чиновниках, о том, как они здесь жили, чем пользовались и как народ угнетали... И как все просто, ясно... Ненависть огромная, рождающая силы и энергию на борьбу...

Да, их теперь не уговоришь на реформы, на половинчатость... Им нужна революция, доведенная до конца.

И мы остановились у памятника и любовались видом на Замоскворечье.

Владимир Ильич вдруг круто повернулся и посмотрел туда, где виднелся Иван Великий, Успенский собор...

— Толстого где предавали анафеме, когда отлучали от церкви? — спросил он.

— В Успенском соборе прежде всего, а потом, как полагается, во всех церквях...

— Вот тут-то бы и надо поставить ему памятник, — сказал он вдруг.

— Вот этого снести, — показал он на порфиноносную фигуру Александра II, — все это преобразить, — и он окинул все, что вокруг памятника, — и сюда Толстого, обличающего церковь, громящего царей, бичующего богатство, собственников, роскошь.

И Владимир Ильич стал с увлечением говорить о Толстом, которого мы мало знаем, который классово, конечно, не наш, но который своим гениальным, беспощадным анализом современной ему действительности дал изумительные образцы проникновенных и потрясающих картин народной жизни...

Мы прошли мимо Успенского собора и вскоре вернулись в Совнарком...

Не раз мне приходилось слышать от Владимира Ильича о том, что нам необходимо тщательно пересмотреть все сочинения Л. Н. Толстого и, помимо пол-

ного академического издания, выпустить множество его рассказов, статей, отрывков отдельными брошюрами и книжечками и распространить их в сотнях тысяч экземпляров повсюду, как среди крестьян, так и среди рабочих. Еще в 1918 году, вскоре после того, как Советское правительство переехало из Петрограда в Москву, в ответ на предложение В. Г. Черткова, которому Л. Н. Толстой поручил заботу о полном посмертном издании сочинений его, Владимир Ильич распорядился весь этот вопрос поставить в кратчайший срок в коллегии Наркомпроса, где он тогда же был разрешен принципиально в благоприятном смысле, и как известно, в настоящее время осуществляется, благодаря особому постановлению Совнаркома...¹¹⁹

Влад. Бонч-Бруевич. Ленин и Толстой.— «Огонек», 1927, № 46, стр. 4.

ХІІІ

Стали поступать книги для Владимира Ильича, которые я передавал ему. Здесь же возник вопрос о желаниИ Владимира Ильича иметь под руками собрания сочинений классиков и толковый словарь Даля. Из классиков были доставлены: Достоевский, Гоголь, Гончаров, Лермонтов, Некрасов, Толстой Л. Н., Грибоедов, Тургенев, Пушкин...

Влад. Бонч-Бруевич. Что читал Владимир Ильич Ленин в 1919 г.— «На литературном посту», 1926, № 1, стр. 8.

XIV

...Как-то пришел к нему и — вижу: на столе лежит том «Войны и мира».

— Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты, да вот, вспомнил, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матерый человечеще! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазками, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним? Сам себе ответил:

— Некого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный.

Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно чуждой Ленину и даже наивной, но потом я научился слышать в ней отзвук глубоко скрытой, радостной любви к рабочему народу...

*М. Горький. В. И. Ленин.—
Собр. соч. в 30-ти томах, т. 17.
Гослитиздат, М., 1952, стр. 38—
39.*

XV

...Очень внимательно осведомлялся Владимир Ильич о том, как расходятся сочинения Горького, и все говорил про то, что нужно обязательно всего Горького издать.

От нас он требовал немедленной присылки всякой новой книжки Горького. Когда вышли воспоминания Горького о Толстом, мы тут же послали Владимиру Ильичу эту книжку. Ильич нам рассказывал после, что он в ту же ночь залпом прочел книжку, которая ему страшно понравилась.

— Вы знаете, — говорил он нам, делясь своими впечатлениями, — Толстой у Горького как живой получился. Пожалуй, так честно и смело о Толстом никто и не писал...

Б. Малкин. В. И. Ленин и М. Горький (Из воспоминаний).— «Правда», 29 марта 1928 г.

XVI

...Все свободные простенки в кабинете были заняты книжными шкафами шведского образца. В первое время у Владимира Ильича не было библиотекаря, и книги просто без всякого порядка складывались в шкафы... В 1920 году для работы в библиотеке была приглашена сотрудница Госиздата т. Манучарьянц. С этого времени в библиотеке мало-помалу стал устанавливаться порядок, книги раскладывались по отделам. Был небольшой отдел беллетристики, состоящий преимущественно из русских классиков. Однажды, про-

сматривая книги, Владимир Ильич сказал: «Странно, что Толстой считает язык Лескова образцом красивого и правильного русского языка¹²⁰, я этого не нахожу»...

Л. А. Фотиева. Кабинет В. И. Ленина в Кремле.— Сб. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2. Госполитиздат, М., 1957, стр. 230.

XVII

...Просматривая издаваемый в Берлине критико-библиографический журнал «Русская Книга»¹²¹, Владимир Ильич часто делал на его обложке отметки с просьбой достать то или иное заграничное издание...

Как-то Владимир Ильич затребовал две книги, одна из них — воспоминание Наживина о Толстом. На мое требование был прислан ответ, что этой книги нет, а есть «Дневник Толстого». На это Владимир Ильич пишет мне:

«т. Манучарьянц!

Нельзя ли проверить?

«Дневник Толстого» мне не нужен,
мне нужны воспоминания *Наживина* о Толстом, вышедшие по немецки в «*Tolstois Denkwürdigkeiten*».

5/XII Ленин».

Ш. М. Манучарьянц. Работа в библиотеке Владимира Ильича.— Сб. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2. Госполитиздат, М., 1957, стр. 587.

XVIII

...Я позволю себе привести страничку о незабвенном для меня разговоре казанцев с Владимиром Ильичем в один из перерывов между заседаниями съезда¹²², в помещении, примыкавшем к залу со стороны эстрады президиума.

Кое-кто из казанцев, включенный съездом в комиссию по национальному вопросу, окружил Ленина, и первое, что я услышал тут, были обращенные к нему слова о том, как гордятся в Казани, что его, Владимира Ильича, революционная деятельность начата среди казанцев и что можно ли, мол, нашему старейшему в стране университету не гордиться таким своим студентом, как он, Ленин. Владимир Ильич взмахнул рукою и торопливо заметил, что если уж кем гордиться Казанскому университету, то такими крупнейшими учеными, как Лобачевский, Бутлеров, Зинин...

— А знаете, друзья, — повысил Ильич голос, — давайте-ка перекинемся о нуждах времени...

Но окружающие не унимались, и кто-то вспомнил о Льве Толстом, который также учился в Казанском университете.

— Тогда давайте помянем и славного казанского пекаря! — живо, совсем по-юному, вставил Ильич.

— Да, да, Горький! — воскликнул один из товарищей.

— Вот! — подтвердил Ильич...

В. Бахметьев. Незабываемая встреча. — Сб. «Живой Ленин». «Художественная литература», М., 1965, стр. 272—273.

Из документов

I

1) На этот раз шифрую ключом, который вам должна была сообщить Паша; если же Паша до сих пор этого не сделала, тогда впредь ключом пусть будет служить «Размышления у парадного подъезда», а на это письмо вы снова ответьте открыткой...

3) ...посылайте «Искру» Толстому¹²³. Если даже сам он не снизойдет до нее, то все же она найдет себе применение, ибо будет попадать в руки Александра...

Из письма В. Г. Шкляревича — редакции «Искры». Ранее 10 (23) мая 1902 г. Кореиз. — «Переписка В. И. Ленина и руководимых им заграничных партийных органов с социал-демократическими организациями Украины. Сборник документов и материалов (1901—1905 гг.)», Политиздат Украины, Киев, 1964, стр. 161.

II

Письма Ваши получены. Сообщите адрес Толстого для посылки «Искры», у нас нет...

Из письма Н. К. Крупской — В. Г. Шкляревичу от 12 (25) июня 1902 г. — Там же, стр. 175.

III

Многоуважаемый редактор! Ввиду происходящего теперь рекрутского набора Киевский комитет решил издать присылаемую мною «Солдатскую памятку» Л. Н. Толстого, находя, что никто лучше, ярче и проще Толстого не сможет изобразить ту позорную и ужасную роль, какую играет армия, как одно из средств порабощения народа. Отношение социал-демократии к антимилитаристической проповеди Толстого, мне кажется, вполне удачно сформулировано в обращении комитета «Ко всем новобранцам-рабочим». Ввиду того, что настоящая прокламация¹²⁴, если не ошибаемся, первый опыт социал-демократического комитета утилизировать в целях агитации ту громадную художественную, умственную и нравственную силу, какую представляет из себя Толстой, ввиду того, что таким образом Толстой впервые, может быть, накануне своей смерти, получил поддержку снизу, было бы весьма желательно и интересно узнать мнение «Искры»¹²⁵ по этому вопросу, узнать, достаточно ли ярко, по ее мнению, подчеркнуты пункты несогласия с Толстым. Если «Искра» одного с нами мнения по этому вопросу, чтобы она и другим товарищам рекомендовала бы такой же образ действия и вообще подвергла бы обсуждению вопрос об отношении социал-демократии к Толстому. Для нас настоящая «Памятка» имеет тем большее значение, что Драгомиров — киевский генерал-губернатор, пользующийся большим весом и значением, и что в Киеве сильно развит штундизм, все больше приближающийся к социал-демократии. Толстовство, надлежащим образом использованное, без искажения принципов социал-демократии — превосходный переход от евангелия к «Манифесту».

Настоящая прокламация издана в количестве 1500 экз., среди новобранцев распространено 500, среди общества и студенчества — 400; остальные 600 — среди штундистов по фабрикам, заводам и мастерским...

*Из письма В. В. Вакара —
В. И. Ленину. Ранее 12 ноября
(30 октября) 1902 г. Киев.—
Т а м ж е, стр. 251.*

IV

Недавно был реферат Ленина «Толстой и русское общество»¹²⁶, в котором [Ленин] характеризовал Толстого как выразителя эпохи подготовки революции и эпохи революционных настроений до выступления революционного класса, отметил революционную роль его, как критика частной собственности на землю, брака современного, и реакционность его взглядов на развитие капитализма, реакционный характер его религии и пр. ...

*Из письма А[лександрова?] —
А. М. Авраменку от 7 января
1911 г. Париж.— «Красный ар-
хив», 1934, № 1, стр. 224.*

V

По полученным подполковником Эргардтом от агентуры сведениям, 31 января с. г. в Лейпциге Ленин прочел реферат на тему «Историческое значение Л. Н. Толстого».

Выручено было с реферата: за продажу билетов

84 марки, продано литературы «Социал-демократ» и «Звезда» на 14 марок и в пользу политических ссыльных и каторжан собрана 21 марка.

Об изложенном имею честь доложить вашему превосходительству.

Чиновник особых поручений К р а с и л ь н и к о в.

Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже Красильникова в департамент полиции от 2 февраля 1912 г., № 159. — Там же, стр. 228.

VI

Совет Народных Комиссаров в заседании от 30 марта, рассмотрев ходатайство вдовы С. А. Толстой, постановил: ходатайство вдовы Л. Н. Толстого гражданки С. А. Толстой о выдаче ей пенсии, назначенной в 1910 г. в размере 10 000 руб. в год и расходуемой ею на поддержание усадьбы «Ясная Поляна», — удовлетворить.

Обратиться от имени Совета Народных Комиссаров к местному Совету с указанием на его государственную обязанность охранять имение «Ясная Поляна» со всеми историческими воспоминаниями, которые с ним связаны.

Постановление местных крестьян, что усадьба находится в пожизненном пользовании Софьи Андреевны, — утвердить.

Постановление СНК от 30 марта 1918 г.¹²⁷. — «Известия ВЦИК», № 65, 4 апреля 1918 г.

VII

Совет Народных Комиссаров 30 июля с. г., рассмотрев проект списка памятников великих деятелей социализма, революции и пр., составленный Народным комиссариатом по просвещению, постановил:

а) Поставить на первое место постановку памятников величайшим деятелям революции — Марксу и Энгельсу;

б) внести в список писателей и поэтов наиболее великих иностранцев, напр. Гейне;

в) исключить Владимира Соловьева...

Список лиц

КОИМ ПРЕДПОЛОЖЕНО ПОСТАВИТЬ МОНУМЕНТЫ В Г. МОСКВЕ И ДРУГИХ ГОРОДАХ РОС. СОЦ. ФЕД. СОВ. РЕСПУБЛИКИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ОТДЕЛОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

Писатели и поэты

1. Толстой. 2. Достоевский. 3. Лермонтов. 4. Пушкин. 5. Гоголь. 6. Радищев. 7. Белинский. 8. Огарев. 9. Чернышевский. 10. Михайловский. 11. Добролюбов. 12. Писарев. 13. Глеб Успенский. 14. Салтыков-Щедрин. 15. Некрасов. 16. Шевченко. 17. Тютчев. 18. Никитин. 19. Новиков. 20. Кольцов. ...

Из Постановления СНК от 30 июля 1918 г. — «Известия ВЦИК», № 163, 2 августа 1918 г.

VIII

В целях сохранения дома, где жил и работал Л. Н. Толстой, Совет Народных Комиссаров постановил:

«Дом Льва Толстого», № 21, по Хамовническому пер., в Москве, с прилегающим участком земли, постройками и всем инвентарем, объявить государственной собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать в ведение Народного комиссариата по просвещению.

6 апреля 1920 г.

*Декрет о национализации дома
Льва Толстого в Москве. —
Собрание узаконений и распо-
ряжений Рабочего и Крестьянско-
го Правительства, № 26, 20 апреля
1920 г., стр. 125*

КНИГИ Л. Н. ТОЛСТОГО И О НЕМ В ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ В. И. ЛЕНИНА

Количество книг, прочитанных В. И. Лениным (не просто притом прочитанных, но критически переработанных), поистине необозримо. Около восьми с половиной тысяч многообразных изданий даже его последней личной библиотеки не отражают в исчерпывающем виде его подлинно энциклопедической начитанности. Ибо полный «круг чтения» В. И. Ленина обусловлен был преимущественно соответственными изданиями, находящимися в крупнейших государственных и общественных книгохранилищах России и за границей. И все же при выяснении взглядов Ленина, в частности, на литературно-общественную деятельность Л. Н. Толстого нельзя, естественно, пренебречь сочинениями великого русского писателя и работами о нем, сохранившимися в Кремлевской библиотеке (в кабинете Ленина, в его квартире и в Горках).

Ниже приводится их перечень по изданию: «Библиотека В. И. Ленина в Кремле», изд. Всесоюзной книжной палаты. М., 1961.

1. ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Под ред. и с примеч. П. И. Бирюкова, т-во И. Д. Сытина. М., 1912—1913. Т. 1 (412 стр.); т. 2 (356 стр.); т. 3 (483 стр.); т. 4 (596 стр.); т. 5 (364 стр.); т. 6 (367 стр.); т. 7 (401 стр.); т. 8 (351 стр.); т. 9 (452 стр.); т. 10 (387 стр.); т. 11 (575 стр.); т. 12 (484 стр.); т. 13 (483 стр.); т. 14 (303 стр.); т. 15 (440 стр.); т. 16 (448 стр.); т. 17 (416 стр.); т. 18 (344 стр.); т. 19 (424 стр.); т. 20 (331 стр.).

Толстой Л. Н. Сочинения. Изд. 11-е. [Типолитография И. Н. Кушнерева]. М., 1903, ч. 2. Повести и рассказы (453 стр.).

Толстой Л. Н. Сочинения. Изд. 12-е [Типолитография И. Н. Кушнерева]. М., 1911, ч. 4 (591 стр.); ч. 13 (719 стр.); ч. 14 (675 стр.); ч. 16 (552 стр.); ч. 17 (483 стр.); ч. 20 (494 стр.).

Толстой Л. Н. Посмертные художественные произведения. Под ред. В. Черткова. Изд. А. Л. Толстой, М., 1911—1912, т. 1 (244 стр.); т. 2 (254 стр.); т. 3 (232 стр.).

Толстой Л. Н. Война и мир (1864—1869). М.—Пг., Госиздат, 1923, т. 2, ч. 5 (132 стр.).

Толстой Л. Н. Восстановление ада. С приложением обвинительного акта Судебной палаты о редакторе «Ясной Поляны», поместившем это произведение. Изд-во «Ясная Поляна», СПб. [без года], 16 стр.

Полное авторское заглавие — «Разрушение ада и восстановление его». Возможно, что эта недатированная брошюра была выпущена в 1906 году нелегально после того, как корректурные гранки ее, представленные издательством «Ясная Поляна» (Максимова) в цензуру, были «к напечатанию не дозволены» (см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 547).

Толстой Л. Н. Книга для чтения. М., Госиздат, 1921, 136 стр.

Толстой Л. Н. О Шекспире и о драме. Критический очерк, изд. В. Врублевского, СПб., 1907, 230 стр.

Толстой Л. Н. Ответ Синоду. — Как читать Евангелие и в чем его сущность? Изд-во «Обновление», СПб., 1906, 16 стр.

Толстой Л. Н. Педагогические статьи. Изд-во «Посредник», М., 1911. Вып. 1 (32 стр.); вып. 2 (50 стр.).

Русские мужики. Картины художника Н. Орлова. С предисловием Л. Н. Толстого, т-во Р. Голике и А. Вильборг, СПб., 1909, 8 стр.

Книга подарена Ленину Орловым (дарственная надпись от 23 сентября 1918 года).

Сборник Пушкинского дома на 1923 год. Пушкин. Дельвиг. Крылов. Жуковский. Тургенев. Писарев. Герцен. Чернышевский. Полонский. Стасов. Л. Толстой. Госиздат, Пг., 1922, 332 стр.

Публикация «Из неизданных писем Л. Н. Толстого» к издателю А. Ф. Марксу — преимущественно по поводу печатания в «Ниве» 1899 г. романа «Воскресение».

Таубе М. А. Вечный мир или вечная война? (Мысли о «Лиге наций»). С факсимиле неизданного письма Л. Н. Толстого от 18—19 декабря 1903 года, кн. изд-во «Детинец», Берлин, 1922, 112 стр.

Автор книги — профессор Петербургского университета, доктор международного права; он же и адресат данного письма Толстого (см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 74, с. 260—262).

II. РАБОТЫ О Л. Н. ТОЛСТОМ

Аксельрод-Ортодокс Л. Л. Н. Толстой. Сборник статей. Госиздат, М., 1922, 159 стр.

Бирюков П. И. Л. Н. Толстой Биография. Изд-во И. П. Ладженикова, Берлин, 1921, т. 1 (572 стр.); т. 3 (611 стр.).

Бирюков П. И. Биография Льва Николаевича Толстого. Госиздат, М.—Пг., 1922—1923, т. 1 (XIX, 243 стр.); т. 2 (XII, 230 стр.); т. 3 (XX, 331 стр.); т. 4 (XVI, 265 стр.).

Булгаков В. Толстой-моралист. Изд-во «Пламя», Прага, 1923, 104 стр.

Вересаев В. Художник жизни (О Толстом). Дом печати, М. [1922], 108 стр.

Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого (Записки за пятнадцать лет). «Кооперативное издательство» и изд-во «Голос Толстого», М., 1922—1923, т. 1 (VII, 370 стр.); т. 2 (396 стр.).

Горький М. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Изд-во З. И. Гржебина, Пг., 1919, 59 стр.

На шмуцтителе надпись, сделанная типографским способом: «Экземпляр В. И. Ульянова (Ленина)».

Грузинский А. Е. Ясная Поляна. Госиздат, М., 1922, 31 стр.

Ленин В. И. Памятки. Изд-во «Новая Москва», М., 1923, 76 стр.

Среди других работ — на первом месте статьи: «Лев Толстой, как зеркало русской революции» и «Л. Н. Толстой».

[Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н., Философов Д. В., Злобин В. А.] Царство антихриста. Drei Masken Verlag [lag], München, 1921, 255 стр.

Овсяннико-Куликовский Д. Н. Собрание сочинений, изд. 5-е. Госиздат, М.—Пг., 1923, т. 3. Л. Н. Толстой, 246 стр.

«Мысль». Ежемесячный философский и общественно-экономический журнал. М., 1911, № 2, январь.

Окончание (четвертая и пятая главы) статьи Г. В. Плеханова «Смешение представлений (Учение Л. Н. Толстого)» — с собственноручными пометами (отчеркивания на полях и подчеркивания в тексте) В. И. Ленина (см.: «Ленинский сборник XXV», стр. 204—205).

Ромашков Д. И., священник. О духовной смерти и духовном воскресении графа Л. Н. Толстого. М., 1902, 63 стр.

Отдельный оттиск из журнала «Пастырский собеседник», 1902, №№ 14—15, 16—17 и 18—19.

Толстой Н. Н. Охота на Кавказе. С предисл. М. О. Гершензона. Изд-во М. и С. Сабашниковых, М., 1922, 114 стр.

Толстой Николай Николаевич — брат великого писателя, автор двух произведений: данного очерка и очерка «Пластун», которые тематически близки «кавказским» рассказам Л. Н. Толстого, и в особенности его повести «Казак».

«Толстой. Памятники творчества и жизни». Ред. В. И. Срезневского. Кооперативное т-во изучения и распространения творений Л. Н. Толстого. М., 1923, т. 3 (141, XII стр.); т. 4 (214 стр.).

Философов Д. Две души. — Речь, 1916, № 1, 1 января. Статья о М. Горьком и Л. Толстом. Газетная вырезка, с пометками В. И. Ленина: «1/1.1916», «Философия».

Чертков В. Г. Уход Толстого. «Кооперативное издательство» и изд-во «Голос Толстого», М., 1922, 126 стр.

Шестов Л. Добро в учении Толстого и Ф. Нитше (Философия и проповедь). Изд-во «Скифы», Берлин, 1923, 122 стр.

Комментарии

РАБОТЫ ЛЕНИНА О ТОЛСТОМ

Литература о Толстом, издавна выходящая едва ли не во всех концах земного шара и чуть ли не на каждом из языков мира, буквально неисчислима, и она все продолжает непрерывно расти.

Но среди этого изобилия специальных многотомных монографий, научных книг, коллективных исследовательских сборников, популярных брошюр, журнально-газетных публикаций резко выделяются семь небольших по объему статей, хотя первоначально они печатались по преимуществу в нелегальных органах прессы, и притом анонимно или под псевдонимами. Они сразу заняли особое место в литературе о Толстом. Более того: они явились *поворотным пунктом* в изучении творчества великого писателя и вот уже свыше полувека сохраняют непреходящее значение.

Это — именно цикл работ В. И. Ленина о Л. Н. Толстом: «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Л. Н. Толстой», «Не начало ли поворота?», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Толстой и пролетарская борьба», «Герои «оговорочки»», «Л. Н. Толстой и его эпоха».

Период их созидания ограничен лишь трехлетием и связан с двумя крупными памятными датами: восьмидесятилетием со дня рождения Толстого (28 августа 1908 года ст. ст.) и днем его кончины (7 ноября 1910 года). Однако хронологические вехи эти послужили только внешним поводом для обращения Ленина к литературной деятельности Толстого.

Подлинную же роль здесь сыграли внутренние причины круп-

ного исторического значения. Ибо публицистические работы Ленина, в том числе и на литературные темы, вызывались не академическим интересом, а возникали под влиянием актуальных явлений и текущих событий общественно-политической действительности; он считал необходимым анализировать их в революционно-пролетарских целях. Недаром об этом некогда памятно сказал Ромен Роллан: «Весь арсенал ума — искусство, литературу, науку — мобилизует он для действия».

Благодаря этому каждый вопрос обретал под углом зрения Ленина оригинальную трактовку. Даже привычные, прочно установившиеся и, казалось бы, незыблемые дотоле мнения о том или другом предмете уступали место иному — новаторскому — толкованию, и оно уже становилось отправным этапом для всех последующих работ на данную тему.

Статьи Ленина о Толстом также, естественно, не были обусловлены только потребностью большевистской печати дать подлинную оценку творчеству писателя в противовес лицемерно-тенденциозному освещению его в реакционной и либеральной прессе. Они порождены были прежде всего знаменательными событиями первой русской революции и потребностью, осмыслив ее опыт, наметить перспективы нового, еще более мощного революционного подъема. «Вся наша работа пропаганды, агитации и организации непрерывно связана в настоящий момент с процессом усвоения самыми широкими массами рабочего класса и полупролетарского населения уроков великих 3-х лет»¹, — писал Ленин в одной из статей в том же 1908 году, когда им создавалась и первая статья рассматриваемого цикла — «Лев Толстой, как зеркало русской революции». И сопоставление имени писателя с революцией не только не осталось тут односторонним, но, напротив, оказалось чрезвычайно плодотворным. С одной стороны, литературно-общественную деятельность Толстого Ленин органически включил в социально-историческую орбиту революции пятого года. А с другой стороны, для более полного представления о последней он привлек образное отражение целой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 50.

эпохи русской жизни, завершившейся революцией в реалистическом творчестве великого писателя.

Буржуазная легальная пресса, как писал Ленин, всего меньше интересовалась «анализом его (Толстого. — С. Б.) произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее» (5)¹. Наоборот, она преднамеренно старалась «заглушить» потребность прямого и ясного ответа на вопрос: чем вызываются кричащие противоречия «толстовщины», какие недостатки и слабости нашей революции они выражают?» (6). Более того: те же упреки Ленин мог бы предъявить и меньшевистской критике о Толстом, подходившей к его творчеству не диалектически, а догматично. Так, еще за пятилетие до первой толстоведческой работы Ленина появился в марксистской литературе отклик на предшествующий юбилей со дня рождения писателя. Это была статья сподвижницы Плеханова — Л. И. Аксельрод (Ортодокс), озаглавленная «Лев Толстой и социал-демократия» и открывавшаяся словами: «Двадцать восьмого августа (1903 года. — С. Б.) читающая Россия праздновала 75-летний юбилей Льва Николаевича Толстого... Русская социал-демократия... всецело разделяет общее торжество юбилея». И хотя Л. И. Аксельрод сделала столь же шаблонные, сколь и неточные оговорки о Толстом — «художнике» и «мыслителе», она не только не увидела в его творениях своеобразного отражения крестьянских настроений, но даже «сильные» критические элементы сочла «quasi-революционными», то есть мнимореволюционными. Точно так же Аксельрод ограничилась абстрактным указанием на «непримиримый антагонизм интересов привилегированного, эксплуатирующего меньшинства с интересами угнетенного, эксплуатируемого большинства» вообще, не связав это положение с анализом творчества Толстого. Недаром в своем знаменитом философском фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин указывал на недооценку меньшевистовавшими социал-демократами гносеологического значения диалектики, специально подчеркивая: «Диалек-

¹ Здесь и далее в скобках даются ссылки на страницы наст. издания. — *Ред.*

тика и е с т ь теория познания... марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а с у т ь дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах»¹. И сам Плеханов к 80-летию Толстого писал статью о нем не «с точки зрения характера русской революции», а на нейтральную тему «Толстой и природа», которую готовил для юбилейного сборника, редактируемого профессором-либералом М. М. Ковалевским (сборник, правда, не состоялся, и плехановская статья была опубликована уже посмертно, в 1924 году).

Пределом извращенного отношения к деятельности Толстого явился вышедший в связи с его кончиной специальный номер о нем ликвидаторского журнала «Наша Заря» со статьями В. Базарова, А. Потресова, М. Неведомского-Миклашевского и др. — с их проповедью отступничества от революции, реабилитацией «толстовства», игнорированием противоречивости творчества великого писателя и признанием, наоборот, «целостности мировоззрения» его, «последовательности» и т. п.

Всему этому Ленин и противопоставил подлинно диалектическую концепцию исследования идейно-творческого пути Толстого, исходя из мысли о том, что «если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях» (5).

Вот почему постичь всю глубину цикла работ Ленина о Л. Н. Толстом немислимо вне сопоставления их с основным его философским трудом «Материализм и эмпириокритицизм», где всесторонне разработана теория отражения, а применительно к общественным явлениям выражена в известной формуле: «Общественное сознание *отражает* общественное бытие» — вот в чем состоит учение Маркса»². И как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд, между столь разными произведениями, как статьи о Толстом и этот философский труд, тесная связь несомненна — и самая органическая.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 321.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 343.

Это подтверждается уже хронологически: создание книги и первой толстоведческой статьи протекало в одно время. Если к работе над «Материализмом и эмпириокритицизмом» Ленин приступил в феврале 1908 года, то и статья «Лев Толстой, как зеркало русской революции» могла быть задумана им также в самом начале этого же года. Правда, если придерживаться формальной датировки, то время работы Ленина над этой статьей может быть приурочено лишь к полумесячному промежутку между двумя вехами: юбилейной датой 28 августа и публикацией статьи 11 сентября 1908 года. Однако начальная из этих вех должна быть отодвинута далеко назад. Замысел статьи о Толстом для большевистской газеты «Пролетарий» мог зародиться у Ленина еще около 7 января 1908 года, когда началась усиленная подготовка к восьмидесятилетию Толстого в связи с образованием в Петербурге «Комитета почина» для чествования великого писателя. И хотя по настоянию самого Толстого три месяца спустя общественная организация эта была распущена, но намечавшиеся мероприятия и информация о них не только не прекратились, а, наоборот, все расширялись. Не оставлял мысли, видимо, об этом и Ленин, о чем косвенно свидетельствует следующее его обращение к Максиму Горькому еще в первой половине апреля того же года. «Давно, писали Вы, кончили большую работу, собирались нам помочь в «Пролетарии». Когда же? — напоминает он ему. — Что если бы Вы фельетончик закатали о Толстом или тому подобное? Черкните, намерены ли»¹. И он мотивировал свое предложение именно в связи с усиленными занятиями над книгой «Материализм и эмпириокритицизм»: «Я еще никогда так не неглизировал своей газетой, — продолжал он, — читаю по целым дням распроклятых махистов, а статьи в газету пишу неизмеримо наско-ро»². Это, как можно думать, не означало, однако, ни отказа от статьи о Толстом, ни замены ее работой другого автора, ни тем более оставления партийной газеты без отклика на толстовский юбилей, а являлось лишь временной оттяжкой статьи, поскольку,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 154.

² Там же.

собственно, и срок еще был неблизок. «Дайте мне полаяться по-философски, помогите пока «Пролетарию!»¹ — заключил он. Точно так же одновременно были и завершены эти оба ленинских произведения: сентябрем 1908 года помечено предисловие к «Материализму и эмпириокритицизму» и 11-го числа того же месяца и года, как сказано, опубликована статья «Лев Толстой, как зеркало русской революции».

Принципиальное сродство этих столь внешне несоизмеримых работ Ленина выражается уже в совпадении самих терминов: и там и здесь Ленин пишет об *отражении*, о *зеркале*, и это не могло и быть иначе, ибо толстоведческий цикл явился одним из конкретных применений *Bildertheorie* (как он потом упоминает о ней не в переводе, а в оригинальном наименовании) к литературе, как специфическому «отражению» социальной действительности. Отсюда именно и происходила возможность для прозорливых ленинских обобщений и выводов — о том, что «принадлежит главным образом к эпохе 1861—1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость», как именно «крестьянской буржуазной революции» (113). Или: «Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху» (115). Или еще: «Противоречия во взглядах Толстого...— действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции» (8) — и т. д. и т. п.

Такой подлинный социальный генезис диалектики литературно-общественной деятельности Толстого, обусловивший все ее противоречия, до Ленина никому установить не удавалось. Все предшествовавшие попытки даже «почитай что марксистов» оказа-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 154.

лись тщетными, потому что были метафизичны, а «основная беда» «метафизического» материализма «есть неумение применить диалектики к Bildertheorie»¹, как писал Ленин в упомянутом примечательном философском фрагменте о диалектике.

И хотя Ленин не подверг конкретному анализу самые произведения Толстого, назвав лишь некоторые из них по заглавиям, ленинские статьи, по словам Луначарского, «дают во всем главном исчерпывающее истолкование такого гигантского литературного и общественного явления, как творчество и учение Толстого»². Это, если можно так выразиться, скорее «алгебраическая» концепция толстовской общественно-литературной деятельности, нежели «арифметическое» постижение ее элементов. Она дает поэтому надежное основание для детального анализа любого из произведений великого писателя и служит непревзойденным образцом подхода ко всем явлениям искусства и литературы с точки зрения теории отражения.

Настоящий сборник представляет собою свод всех суждений Ленина о Толстом и непосредственно связанных с ними материалов, в том или ином виде зафиксировавших отношение гениального вождя пролетариата к «великому писателю русской земли».

Сборник состоит из двух частей, в свою очередь дробящихся на разделы.

Первая — основная — часть содержит в себе два раздела, а именно:

И. Статьи. Сюда включены все семь перечисленных работ Ленина, которые специально и целиком посвящены Толстому. Правда, в статье «Не начало ли поворота?» не содержится оценки его литературно-общественной деятельности, как в остальных шести. Но она также органически связана с Толстым, являясь откликом

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 322.

² Луначарский А. В. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 8. М., Художественная литература, 1967, с. 450.

Ленина на те повсеместные массовые политические демонстрации в связи с кончиной писателя, в которых Ленин зорко провидел признак нового «революционного подъема», после длительной «паузы революции». В этой статье Ленин, с одной стороны, взвешивает серьезность этого признака и определяет силу вспыхнувшего движения; с другой стороны, клеймит лицемерное отношение к памяти Толстого органов рептильной и либеральной прессы. Статья эта представлялась столь важной, что была написана Лениным в самый последний момент выхода номера «Социал-Демократа» и была помещена, по-видимому, ценой снятия другого материала.

Включенные сюда перечисленные выше семь статей Ленина о Толстом, написанные в весьма небольшой промежуток времени — в пределах трехлетия (1908—1911), составляют, так сказать, «ядро» сборника. Именно в эти годы Ленин вглядывается в творческий облик Толстого особенно пристально, подвергает его взгляды углубленному анализу, высказывается о нем наиболее полно.

II. Фрагменты из работ и писем Ленина, содержащие его отзывы и суждения о Толстом. Все фрагменты можно было бы условно разделить на несколько групп. Так, одни из них объединяются с темой статьи «Не начало ли поворота?»; другие обращены против «левых» фразеров, обвинявших большевиков в толстовстве за проводимую ими в 1920—1921 годах политику мира; наконец, некоторые фрагменты содержат литературные цитаты из произведений Толстого. Фрагменты, взятые в их совокупности, расширяют временную амплитуду материалов до двадцатилетия: первый отрывок приурочен к 1901 году, последний — к 1921-му.

Тексты В. И. Ленина печатаются по Полному собранию сочинений (сокращенно в наст. издании — П. с. с.).

Вторая часть сборника — извлечения из воспоминаний о Ленине и из документов. Эти материалы дают дополнительное освещение основному тексту. Среди них особенно следует отметить фрагменты из воспоминаний А. М. Горького и Н. К. Крупской, из

подписанных Лениным декретов, увековечивающих память о Толстом.

В приложении к сборнику публикуется список книг Л. Н. Толстого и о нем, находящихся в личной библиотеке Ленина.

В примечаниях к тексту даны не только пояснения к отдельным именам, событиям и общественным явлениям, малоизвестным читателю, но и приводятся материалы, хотя бы частично воссоздающие атмосферу, в какой Ленин писал статьи о Толстом. В примечаниях вообще принято за правило: когда Ленин ссылается на какие-либо материалы, документы и пр., затерянные ныне в старых периодических изданиях, они, по возможности, перепечатываются, чтобы освободить читателя от сложных поисков. Это «Определение» синода об отлучении Толстого от церкви — позорный документ, который, как писал Ленин, «зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе» (16). Это сообщения прессы о демонстрациях в связи со смертью Толстого; ими пользовался Ленин, их он цитировал в своих статьях. Наконец, чтобы статья «Герои «оговорочки» была вполне понятна читателю, в примечаниях приведена статейка В. Базарова, разгромленная Лениным, и отрывки из статейки М. Неведомского, тоже высмеянной в ленинской статье.

Работа по собиранию и обработке материалов для настоящего сборника производилась в архивах и книгохранилищах Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Московского толстовского музея, Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» и Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

С. Брейтбург

¹ Впервые опубликовано в большевистской газете, фактическом Центральном Органе большевиков, «Пролетарий», Женева, 1908, № 35, 11 (24) сентября, стр. 1, передовая; без подписи. Авторизованное издание.

² Толстой родился 28 августа (9 сентября) 1828 года.

³ 28 августа (10 сентября) 1908 года в № 205 газеты «Речь»,

центрального органа кадетов (конституционно-демократическая партия, ведущая партия либерально-монархической буржуазии, лицемерно называла себя «партией народной свободы»; после Октябрьской социалистической революции — непримиримый враг Советской власти), были помещены следующие статьи о Толстом: передовица (анонимная); Д. Мережковский «Лев Толстой»; «Значение Толстого в моей жизни (Из воспоминаний П. Бирюкова)»; А. Карташев «Толстой, как богослов»; Г. Бернштейн «День в Ясной Поляне»; А. Хирьяков «Мистицизм Толстого», а также ряд мелких заметок и сообщений. В № 206 была дополнительно напечатана запоздавшая статья датского литературного критика Георга Брандеса — «Лев Толстой». Вести о юбилее стали появляться в «Речи» еще задолго до основной даты, в специальном отделе «К юбилею Толстого», — как не прекращалось некоторое время спустя печатание и отголосков чествования.

⁴ Выражение из статьи А. Карташева (см. примеч. 3).

⁵ Из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (песня Гриши «Русь»).

⁶ *Трудовики* — группа мелкобуржуазных демократов в Государственных думах, состоявшая из крестьян и интеллигентов народного толка, в Думе колебалась между кадетами и социал-демократами.

⁷ П. А. Столыпин (1862—1911) — председатель Совета министров и министр внутренних дел России, вдохновитель жесточайшей реакции 1907—1910 годов, организатор аграрной реформы, рассчитанной на создание в деревне кулачества как опоры трона, убит террористом-эсером в 1911 году.

⁸ «*Народная воля*» — тайная политическая организация народников-террористов; возникла в 1879 году, вела героическую борьбу против царского правительства, разгромлена им после убийства Александра II 1 марта 1881 года. Критикуя утопическую программу народovolьцев, Ленин высоко оценивал их самоотверженность в борьбе и конспиративную организацию.

⁹ Впервые опубликовано в большевистской нелегальной газете, Центральном Органе РСДРП, «Социал-Демократ», Париж, 1910,

№ 18, 16 (29) ноября, стр. 1, передовая; без подписи. Авторизованное издание. Первоначально статья была озаглавлена: «Значение Л. Н. Толстого в истории русской революции и русского социализма».

¹⁰ Л. Н. Толстой скончался 7 (20) ноября 1910 года, в 6 часов 5 минут утра на станции Астапово.

¹¹ Первое печатное произведение Толстого («Детство») появилось в сентябре 1852 года в № 9 журнала «Современник».

¹² Святейший синод отлучил Толстого от церкви 20—22 февраля (5—7 марта) 1901 года. Уже с 80-х годов произведения Толстого — как публицистические, так и художественные — претерпевали гонения со стороны церкви. Сочинения Толстого подвергались помимо общей цензуры еще и просмотру цензуры духовной, которая изменяла их по своему усмотрению или запрещала вовсе. Но особенно сильное возмущение церковных сфер вызвал последний роман Толстого — «Воскресение» — изображением обер-прокурора синода К. П. Победоносцева под именем «тупого и лишённого нравственного чувства» Топорова (ч. II, гл. XXVII) и двумя «кощунственными» главами о богослужении (ч. I, гл. XXXIX и XL). Хотя эти места романа могли появиться в печатном издании в России впервые лишь после революции 1917 года, но уже с момента окончания «Воскресения» (1899) они обращались в многочисленных нелегальных гектографированных оттисках или рукописных копиях и в контрабандных экземплярах заграничных изданий. Это и послужило удобным поводом к отлучению Толстого от церкви. Зафиксировано оно было в следующем «Определении»:

«Святейший синод в своем попечении о чадах православной церкви, об охранении их от губительного соблазна и о спасении заблуждающихся, имея суждение о графе Льве Толстом и его противохристианском и противоцерковном лжеучении, признал благовременным, в предупреждение нарушения мира церковного, обнародовать... нижеследующее свое послание... Изначала церковь Христова терпела хулы и нападения от многочисленных еретиков и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать... И в наши дни божиим попущением явился новый лжеучитель,

граф Лев Толстой. Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на господа и на Христа его и на святое его достояние, явно пред всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его матери, церкви православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселе держалась и крепка была Русь святая. В своих сочинениях и письмах, во множестве рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого отечества нашего, он проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов православной церкви и самой сущности веры христианской; отвергает личного живого бога, во святой троице славимого создателя и промыслителя вселенной, отрицает Иисуса Христа — богочеловека, искупителя и спасителя мира, пострадавшего нас ради человеков и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых; отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа господа и девство до рождества и по рождестве пречистой богородицы и приснодевы Марии, не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства церкви и благодатное в них действие святого духа и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из таинств, святую евхаристию. Все сие проповедует граф Лев Толстой непрерывно, словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем не прикровенно, но явно перед всеми, сознательно и намеренно отторг себя от всякого общения с церковью православною. Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею. Ныне о сем свидетельствуем перед всей церковью к утверждению правостоящих и к вразумлению заблуждающихся, особливо же к новому вразумлению самого графа Толстого. Многие из ближних его, хранящих веру, со скорбью

помышляют о том, что он, на конце дней своих, остается без веры в бога и господя спасителя нашего, отвергшись от благословений и молитв церкви и от всякого общения с нею. Посему, свидетельствуя об отпадении его от церкви, вместе и молимся, да подаст ему господь покаяние и разум истины...»

Приведенный указ синода был, за подписями «смирненного Антония, митрополита С.-Петербургского и Ладожского», и др., обнародован 24 февраля (9 марта) 1901 года. Это совпало с периодом крупных политических волнений среди московских студентов и рабочих, и синодальное определение произвело эффект, совершенно обратный тому, на который было рассчитано. Когда Толстой в этот день, совершая свою обычную прогулку, появился на Лубянской площади, ему устроена была необычайная овация. В течение нескольких дней к Толстому не переставали являться различные депутации с изъявлением сочувствия по поводу отлучения, а также поступать телеграммы, письма, цветы и пр. Толстой сперва решил не реагировать на синодальный акт, но неиссякаемый поток писем, главным образом сочувственных, побудил его в конце концов, около полутора месяцев спустя после отлучения, откликнуться на него — в статье «Ответ на определение синода от 20—22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма», где писатель с еще большей резкостью подчеркнул свое расхождение с церковью (см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 34, 1952, стр. 245—253).

Осознав невыгодность для себя впечатления, произведенного отлучением, духовенство в течение последующих лет неоднократно делало попытки, — разумеется, безуспешные, — возвратить Толстого в «лоно церкви». Первые же известия о предсмертной болезни писателя заставили церковь проявить особую настойчивость в этом направлении. Едва ли кто-либо из высшего духовенства твердо надеялся на успех. Но церкви было чрезвычайно важно если и не добиться действительного примирения, то хотя бы инсценировать его перед обществом. Для этого было достаточно лишь получить кому-либо из священников доступ к умирающему Толстому, «хоть на 2—3 минуты» (по выражению одного из них), чтобы

создать повод к провозглашению затем легенды о состоявшемся якобы раскаянии. И синод до самой кончины писателя предпринимал для осуществления этого ряд мер. Так, 3 (16) ноября отлучивший Толстого от церкви вышеупомянутый митрополит Антоний отправляет калужскому епископу Вениамину телеграмму следующего содержания: «Святейший синод, осведомившись о болезненном состоянии графа Льва Толстого, находящегося ныне на станции Астапово, в пределах рязанской епархии, признает необходимым поручить вашему преосвященству незамедлительно направиться к болящему иеромонаху Иосифу, старца Козельской Оптиной Пустыни, для предложения графу духовной беседы и религиозного утешения в целях примирения его с церковью. О последующем благоволите не замедлить донести синоду. Преосвященный рязанский Никодим поставлен о сем в известность». Выбор пал на старца Иосифа, по-видимому, потому, что в газетах появились слухи о намерении Толстого побывать у него во время своего последнего посещения Пустыни. Но «о. Иосиф по своему болезненному состоянию и преклонности лет» оказался «настолько слаб, что не выходил из келии даже в храм к богослужениям, а потому отправить его в Астапово никак невозможно было». По согласованию вновь вопроса с митрополитом решено было послать к умирающему скитоначальника той же Пустыни, игумена Варсонофия. Последний и прибыл в Астапово 5 (18) ноября. За день до этого Антоний командировал к Толстому еще и «епископа тульского и белевского» Парфения «с целью сделать еще одну попытку к примирению его (Толстого) с церковью», а также отправил от своего имени следующую телеграмму непосредственно и самому Толстому: «С самого первого момента вашего разрыва с церковью я непрестанно молился и молюсь, чтобы господь возвратил вас к церкви. Быть может, он скоро позовет вас в суд свой, и я вас, больного теперь, умоляю примириться с церковью и православным русским народом». Но все эти меры оказались тщетны: Парфений опоздал, Варсонофий не был допущен к больному врачами и близкими, телеграмма Антония не была передана. Синоду ничего другого не оставалось делать, как в срочно созванном в день смерти писате-

ля совещании вынести постановление — «не разрешать совершения поминовений и панихид по графе Толстом».

¹³ *«Веховцы»* — авторы сборника *«Вехи»* (1909), кадетские публицисты, представители контрреволюционной либеральной буржуазии: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве, С. Л. Франк. См. статью В. И. Ленина *«О «Вехах»*. — П. с. с., т. 19, стр. 167—175.

¹⁴ *Антоний Волинский* (А. П. Храповицкий; 1863—1936) — глава крайне правого направления в русской православной церкви, ярый черносотенец, после Октябрьской революции — один из лидеров монархической эмиграции.

¹⁵ *«Новое Время»* — газета, выходила с 1868 по 1917 год, с 1905 года — орган черносотенцев, образец продажных газет.

¹⁶ Впервые напечатано в № 18 газеты *«Социал-Демократ»*, 1910, 16 (29) ноября, стр. 12 (в том же номере, что и предыдущая статья); без подписи.

¹⁷ В этой статье все даты, за исключением последней, указаны Лениным по старому стилю.

¹⁸ Кроме описания петербургской демонстрации, которое будет дано ниже, приводим здесь частичные сведения о происшедших в связи со смертью Толстого волнениях среди студенчества Москвы и некоторых провинциальных университетов, черпая их именно из тех источников, которые послужили Ленину материалом для комментируемой статьи, то есть из газет *«Русские Ведомости»* (с 1905 г. орган правых кадетов) и *«Голос Москвы»* (орган октябристов — контрреволюционной партии крупной буржуазии и помещиков, поддерживавших царизм):

«Москва. Вчера, в половине первого, у нового здания университета собралось до 500 студентов. В то же время на тротуаре у старого здания университета находились студенты, не разделявшие мнения о необходимости устройства уличной демонстрации, связанной с памятью о Л. Н. Толстом. И во время сходимки в аудитории юридического факультета вопрос об уличной демонстрации

вызвал большой раскол. Тем не менее студенты тронулись, при пении «Вечной памяти». Моросил мелкий дождь; на мостовой было скользко от гололедицы. Многие падали. Шествие продолжалось по Никитской беспрепятственно. Случайно, в то же время, сзади манифестантов показалась похоронная процессия. Получилось впечатление, как будто бы студенты провожали покойника. На это обратили многие внимание. Расступились, чтобы дать пройти печальной процессии. Но тогда гроб с покойником оказался во главе процессии. Решено было остановиться и выждать, пока похоронная процессия удалится. После этого студенты двинулись дальше, приглашая других, шедших по тротуарам улицы, присоединиться к шествию. У Никитских ворот студенты свернули и пошли по правому проезду Никитского бульвара. Много любопытных шло, наблюдая издали за шествием. Но вот в середине процессии показался портрет Л. Н., прикрепленный к палке. Когда манифестанты шли по проезду Никитского бульвара, во главе шествия оказалась полиция вместе с помощником градоначальника полковником Модлем. Полковник Модль уговаривал организаторов шествия повлиять, чтобы студенты разошлись. Но эти уговоры оказались бесплодными. Наоборот, среди студентов послышались протесты, что вместе с манифестантами идет полиция. Все чаще и чаще раздавалось требование, чтобы полиция оставила студентов. «А то выходит так, — жаловались студенты, — что нас ведет сама полиция». Манифестанты намеревались направиться в Хамовники к дому Л. Н. В середине бульвара полиция отошла от студентов, и в то же время полковник Модль сделал распоряжение, чтобы у Арбатских ворот был выставлен наряд конной и пешей полиции. Путь манифестантам был перерезан. Между тем дождь усилился. Все были мокры. Раскрыли зонтики. Толпа стала редеть. Окруженные со всех сторон полицией, студенты пропели несколько раз «Вечную память». Один из студентов, посредине толпы, взобравшись на плечи к другому, держал речь. Он признавался, что манифестация не удалась. «Мы окружены со всех сторон полицией и принуждены разойтись. Но мы не уйдем без того, чтобы не вынести резолюции: «Долой смертную казнь!»

Этот возглас повторяется несколькими десятками голосов. Затем часть манифестантов свернула на Воздвиженку, а большинство разошлось по разным направлениям. Шли усталые и промокшие до костей» («Голос Москвы», 1910, № 261, 12 (25) ноября, стр. 4).

«К и е в. 8 ноября с утра на Владимирской и Фундуклеевской улицах, а также на Бибиковском бульваре замечалось оживленное движение преимущественно учащейся молодежи. Большинство сосредоточивалось вокруг здания университета, где на 11 часов утра было назначено заседание совета профессоров университета по вопросу о способе чествования памяти скончавшегося почетного члена университета, Л. Н. Толстого. Лекций и учебных занятий в университете не было, и аудитории были закрыты, но доступ студентам в университет был свободно открыт. К 10 часам утра на площади перед университетом собралась большая толпа студентов; в коридорах здания университета также были толпы студентов, которые на требование университетского начальства отказались разойтись. Тогда собравшиеся были удалены из коридоров полицией. На площади против главного подъезда здания они соединились с остальными учащимися других учебных заведений, образовав толпу в несколько тысяч человек. Толпе было предложено немедленно разойтись, но она запела «Вечную память». На место был вызван 2-й конно-горный дивизион, назначенный в помощь наряду полиции. Конные войска начали теснить толпу на прилегающие улицы, постепенно очищая университетскую площадь. Когда толпа, не расходясь, придвинулась к площади городского театра, численность ее увеличилась еще больше. В дополнение к бывшим патрулям была вызвана новая воинская часть, проехавшая на рысях с обнаженными шашками по Владимирской улице к городскому театру и вокруг его здания. В это время несколько человек, убегая в суматохе, упали на мостовой, получая ушибы разных частей тела. В числе разбившихся была слушательница высших женских курсов. Толпа, оттесненная с мостовой на тротуары, продолжала стоять, ввиду чего конные патрули продолжали теснить ее вдоль домов. Расходившиеся снова собирались в новые группы.

Так продолжалось до начала 3-го часа дня, когда неожиданно на Фундуклеевской улице со стороны Владимирского собора показалась новая толпа, преимущественно студентов коммерческого института. Против этой толпы был направлен усиленный патруль и конные городовые. Против Театральной улицы толпа была задержана конными. При этом задние ряды толпы, прижатые к дому, выломали двери и окна в мастерской золотых дел мастера и в соседней молочной лавке. Многие, убегая, ворвались в парадный вестибюль дома. После 3-х часов дня группы, продолжавшие стоять на тротуарах преимущественно по углам Театральной площади, начали понемногу уменьшаться, и к 4-м часам площадь была почти очищена. Почти такая же картина наблюдалась около здания коммерческого института, где студенты также пропели «Вечную память», а затем толпой двинулись по прилегающим улицам. На высших женских курсах курсистки тоже пели «Вечную память», но затем разошлись по разным улицам. Многие из них с утра примкнули к студенческим группам. Около 12 часов дня на технических курсах Перминова во 2-й аудитории неожиданно состоялась сходка учащихся, старавшихся прекратить занятия в других аудиториях. Сходка была немедленно прекращена «грами полиции» («Голос Москвы», 1910, № 260, 11 (24) ноября, стр. 5).

«Х а р ь к о в. Университетская сходка постановила [провести] однодневную забастовку за избиение молодежи 9-го ноября» («Русские Ведомости», 1910, № 261, 12 (25) ноября, стр. 2).

«Т у л а. Вечером 9-го ноября в общежитии духовной семинарии раздались звуки «Вечной памяти». Явилась инспекция и предложила прекратить пение. Семинаристы ответили свистом и криком. Инспекция вынуждена была удалиться. 10-го ноября состоялось экстренное заседание совета, во время которого беспорядки повторились с еще большей силой. 11-го ноября пансионерам второго, четвертого и пятого классов было предложено к шести часам вечера очистить общежитие» (т а м ж е, с. 3).

¹⁹ Картина событий, разыгравшихся в Петербурге в связи с этой демонстрацией, стала Ленину известна по преимуществу из

следующих двух корреспонденций «Русских Ведомостей». Первая озаглавлена «В Петербурге на улице»:

«К 11 часам утра в Петербургский университет собралось свыше 2000 студентов, которые решили во исполнение постановления бывшей накануне сходки двинуться на Невский проспект к Аничкову дворцу, где была назначена манифестация. Шествие отправилось было к Дворцовому мосту, который оказался разведенным. Тогда студенты пошли к Николаевскому мосту с пением «Вечной памяти», с белыми и черными флагами и криками «Долой смертную казнь!». Однако проникнуть на Николаевский мост не удалось, так как путь был прегражден полицией и жандармами. Помимо того, при входе на Невский проспект у Адмиралтейства также была устроена застава. Вся толпа разбилась на отдельные группы и потекла окольными путями. Часть с помощью трамвая через Петербургскую сторону и Троицкий мост, часть через Выборгскую сторону и Литейный мост проникла на Невский проспект боковыми улицами. Другая часть студентов, собравшаяся у технологического института, направилась к Невскому в числе свыше 1000 человек по Загородному проспекту, Садовой улице и Владимирскому проспекту. К 12 часам дня на Невском проспекте началось усиленное стечение публики и учащейся молодежи. Несмотря на то, что путь на Невский у Адмиралтейства был закрыт и на всех углах полиция усиленно фильтровала публику, к началу 1-го часа дня на Невском было не менее 10 000 студентов и студенток разных учебных заведений. Полиция сосредоточила все свои силы у Казанского собора и Садовой улицы. Демонстрации произошли в разных местах Невского: возле Городской думы, возле католической церкви, на углу Садовой и около Гостиного двора. Демонстранты выкидывали белые и черные флаги с надписью «Долой смертную казнь!» и шли с пением похоронного марша и «Вечной памяти». Пешая полиция с винтовками и конные жандармы с шашками и казаки с пиками наперевес оттесняли толпу в разных направлениях и вырывали флаги. Многие были сброшены с думской лестницы на тротуар. Жандармы верхом врзались с шашками в ряды Перинной линии, преследуя убежавших. Но рассеянная толпа со-

биралась снова в разных местах. Так продолжалось до вечера. Близ Аничкова моста, среди тысячной толпы развевались флаги с надписью «Долой смертную казнь!», раздавалось пение похоронного марша «Вы жертвою пали» и «Вечной памяти». При приближении полиции толпа останавливала трамваи и забаррикадировывалась ими. Однако в результате толпа была оттеснена, два флага отобраны и несколько человек избиты. Часть толпы направилась к Николаевскому вокзалу, но у Литейного проспекта была рассеяна. Около 3-х часов дня по Невскому ходили несколько человек в студенческой форме и статские и разбрасывали листки с призывом прекратить демонстрацию и не повиноваться влиянию левых. На углу Михайловской улицы арестованы три человека с флагами. Один был ранен шашкой и увезен в больницу. На Знаменской площади, в то время когда полиция сконцентрировалась близ Аничкова моста, собралось свыше 1000 человек учащихся и рабочих у Николаевского вокзала. Были развернуты флаги с надписью «Долой смертную казнь!», раздавалось пение «Вечной памяти». Движение экипажей и трамваев приостановилось. Вся публика, не принимавшая участия в демонстрации, обнажила головы. На площади стал собираться народ. Демонстрация продолжалась довольно долго, пока не явились жандармы и полиция с ружьями и с шашками. Жандармы врезались в толпу; есть арестованные. На Марсовом поле оттесненная с Невского проспекта у Садовой улицы толпа в 1000 человек, в начале 3-го часа дня, с пением «Вечной памяти», с белыми и черными флагами с надписью «Долой смертную казнь!» направилась к Троицкому мосту, приостановив движение трамваев. Шли с обнаженными головами. На Троицкой улице, у Петропавловской крепости, толпа остановилась с криками «Долой смертную казнь!». Затем толпа пошла мимо Народного дома, на Введенской улице, и направилась на Большой проспект Петербургской стороны, через Тучков мост на Васильевский остров. У Народного дома к шествию присоединилось много рабочих. У Тучкова моста шествие остановилось. Полицейский отряд никак не мог остановить шествие, и толпа прошла с пением и флагами на Большой проспект Васильевского острова. Только у университета полиции удалось

рассеять толпу. В клинику Вилье доставлен избитый студент. В Рождественский барак доставлена слушательница Роженцова, раненная в голову шашкой у Казанского собора. Около 4-х часов дня в приемный покой технологического института пришел студент, раненный шашкой во время демонстрации на Невском. Ему сделана перевязка».

Как теперь видно, именно эту сводку событий Ленин цитирует в рассматриваемой статье. Вторая корреспонденция озаглавлена «Сходки в Петербургских учебных заведениях»:

«После дневной манифестации вечером в Петербургском университете собралась неразрешенная сходка в числе свыше 1000 человек. В зале появился черный флаг с надписью «Долой смертную казнь!». Во время сходки явились проректор университета Андреев и проф. Покровский и убеждали студентов разойтись, потому что иначе в университет введена будет полиция. Многие после этого ушли, но несколько сот студентов осталось, и собрание продолжалось. Университет оцеплен со всех сторон полицией и жандармами, у всех входов стоят городовые с винтовками, в университет пропускаются только по предъявлении билетов или матрикул.

— На петербургских женских сельскохозяйственных курсах 11-го ноября происходила сходка слушательниц. Председатель совета курсов проф. Каракаш обратился к собравшимся и убеждал их не примыкать к демонстрации. Однако голоса разделились, и часть слушательниц, около 200 человек, прекратили занятия и примкнули к демонстрации.

— 11-го ноября на сходке слушательниц высших женских курсов вновь обсуждался вопрос об участии в уличной демонстрации. Сходка высказалась против участия в демонстрации.

— Сходка студентов в технологическом институте высказалась также против участия в уличных демонстрациях, но ввиду того, что в момент сходки демонстрация уже происходила, сходка постановила присоединиться к ней» («Русские Ведомости», 1910, № 261, 12 (25) ноября, стр. 2).

²⁰ В отделе «Последние известия» упоминаемая газета, тотчас же вслед за воззванием кадетов, поместила такое сообщение:

«Назначавшаяся на 11-е ноября студенческая манифестация отменена» («Русские Ведомости», 1910, № 260, 11 (24) ноября, стр. 4).

²¹ Здесь Лениным перефразированы следующие слова газеты, в которых клевета против социал-демократических депутатов Государственной думы выражена еще более обнаженно: «Социал-демократическая фракция никакого постановления вчера по этому поводу не сделала, но ее отдельные члены не скрывали в Таврическом дворце своего опасения, что проектируемая манифестация при данных условиях может дать только отрицательные результаты. Несколько иначе отозвались... трудовики. Они в принятой ими резолюции сочли совершенно невозможным препятствовать общественному чествованию Л. Н. Толстого» («Русские Ведомости», 1910, № 261, 12 (25) ноября, стр. 3, из отдела «Около Думы»).

²² Слова яркого монархиста и националиста В. В. Шульгина (см.: «Голос Москвы», 1910, № 261, 12 (25) ноября, стр. 3).

²³ Прочитано Лениным из сообщения «Русских Ведомостей» о речи «Шульгина 2-го», который «с думской трибуны заговорил о студенчестве, как о пушечном мясе революции, и о том, что пружины, готовящие манифестацию, нажимаются из Таврического дворца», то есть тем самым Шульгин обвинял левых депутатов Думы в организации студенческих беспорядков (см.: «Русские Ведомости», 1910, № 261, 12 (25) ноября, стр. 3).

²⁴ Вот текст указываемого Лениным воззвания кадетов:

Воззвание депутатов к студентам:

Вчера, в 12 час. ночи, в экстренном заседании фракции народной свободы, в присутствии представителей фракций прогрессистов, мусульман и беспартийных членов Думы, при обсуждении вопроса о предполагающейся на 11-е число демонстрации учащейся молодежи, единогласно всеми присутствующими было постановлено обратиться к учащимся с следующим воззванием:

«Гг. учащиеся высших учебных заведений Петербурга!

Мы, представители вышеупомянутых оппозиционных групп Го-

сударственной думы, считаем своим нравственным долгом обратиться к вам нашу горячую просьбу: *не устраивать предполагаемой демонстрации.*

Мы считаем ее вредной, нежелательной.

Мы призываем вас всячески воздерживать и ваших товарищей от опасных шагов, идущих в руку врагам студенчества и высшей школы.

Пусть скорбные дни национального горя не омрачатся необдуманным порывом молодого чувства.

Пусть ваш порыв не послужит поводом для торжества врагов свободы.

Не поддавайтесь голосу увлеченных. Остановитесь вовремя.

А. Шингарев, В. Караулов и др.» («Речь», 1910, № 310, 11 (24) ноября, стр. 4).

Происхождение этого «воззвания» кадеты мотивировали таким образом. Группу членов их фракции посетили делегаты от студенчества и сообщили о предполагаемой 11-го числа демонстрации, рассчитывая заручиться их сочувствием. Когда кадеты стали доказывать нецелесообразность уличных выступлений, студенты от объяснений уклонились. Однако от студентов-кадетов стало известно, что делегаты, вернувшись в университет, распространили слух о якобы всемерном одобрении проектируемой демонстрации со стороны кадетской фракции. Поэтому последняя сочла необходимым так или иначе публично заявить о своем действительном отношении к готовящейся демонстрации и избрала для этой цели форму воззвания (см.: «Русские Ведомости», 1910, № 261, 12 (25) ноября, стр. 2—3).

²⁵ Текст возмущившей Ленина лицемерной передовицы, цитируемой им в настоящей статье, приводим полностью:

«Смерть величайшего писателя земли русской, утрата гения, которым гордилось все человечество, завидовавшее родившей его России, болезненно ярко обозначила, в каких тяжелых, ненормальных, невыносимых условиях мы продолжаем прозябать. Как справедливо сказал председатель Государственного совета, самая

кончина его в глухом, заброшенном, никому не ведомом Астапове, где его неожиданно застигла смерть, навстречу которой он спешил, произошла в совершенно исключительных, доходящих до трагизма обстоятельствах. Эти обстоятельства, которые, как вчера уже было указано, мы сами давно и упорно создавали, уродуя своими шаблонами исключительную индивидуальность, естественно, должны были обострить и гипертрофировать чувство незаменимой потери, ощущение незаполнимой душевной пустоты. Во всякой другой стране такая смерть послужила бы могучим толчком к объединению всего общества вокруг дорогой могилы. Перед ее страшной, неразгаданной тайной, которая в таких исключительных случаях с особой силой выдвигает извечные противоречия человеческого существования, все от мала до велика, не различая элина и иудея, слились бы в благоговеинном порыве. Одна забота стала бы властно на первую очередь и отодвинула все большие и маленькие злобы дня: как бы достойнее увековечить священную память, как бы самого себя заставить полнее пережить и перечувствовать величие покойного, уяснить смысл богатой жизни и гениального творчества его.

Стыдно и больно думать о том, какие последствия вызваны у нас этой трагической смертью. Она разожгла, вернее, ею хотят воспользоваться, чтобы разбудить уснувшие страсти, чтобы свести старые счеты, чтобы помериться силами, продемонстрировать свою готовность и могущество. Одни по живому телу режут великого писателя на две части и с самой откровенной непринужденностью отбрасывают одну из них. Они позабыли мудрый суд Соломона, отдавшего спорного ребенка той из двух женщин, которая в ужасе пришла от предложения разрезать его пополам. Другие грязными руками копаются в интимных подробностях и стараются оправдать свое безразличие к судьбе великого писателя ссылкой на семейные неурядицы, третьи обрушиваются на более уязвимых, чем был сам Толстой, друзей его, хотя из приводимой ниже телеграммы нашего корреспондента видно, что Чертков стоял решительно против последнего шага Толстого и, что было в его силах, оберегал от него своего гениального друга.

Вместо общего порыва мы читаем о бесконечных заседаниях синода, о сношениях главы правительства с обер-прокурором синода. Вместо того чтобы облегчить доступ в Ясную Поляну и дать выход напряженному чувству, министр путей сообщения отказал в экстренных поездах, и на вокзале скопились тысячи народа. Телеграммы со всех концов России приносят вести о том, что по городу разъезжают патрули, то же самое мы видим два дня в столице, о конфискациях газет, о штрафах. Нашлись особо ретивые губернаторы, которые признали, что вообще не пристало выражать скорбь по Толстом, и приказали открыть театры и кинематографы. Наряду с этим молодежь собирается на не разрешенные университетскими советами сходки, в воздухе пахнет тревогой, напряжением, тяжелой и смутной неизвестностью.

Даже после того, как опубликована была высочайшая резолюция на докладе министра внутренних дел о смерти Толстого, вернопреданные революционеры не сочли нужным изменить своего вызывающего поведения. Последнее заседание Государственного совета останется навсегда одной из самых мрачных страниц нашей современности. Председатель, с своей стороны, употребил все средства, чтобы умиротворить победную жажду хозяев положения. Были пущены в ход и закулисные влияния, чтобы убедить правых по крайней мере не афишировать позорного отношения к национальной гордости. Самые жестоковейные, по-видимому, уступили, но двое епископов, претендующих на звание служителей милосердного бога, нашли, что не кому другому, как им, надлежит разыграть в Совете роль Пуришкевича и Замысловского. Пусть М. Г. Акимов тщательно отделил заслуги Толстого как художника, которым дорожит весь мир, пусть он сослался на то, что «чувство глубокого сожаления о смерти великого писателя проявлено с высоты престола нашего отечества», — «все встают, гласит отчет, кроме архиепископа варшавского Николая и епископа вологодского Никона». Они для того и пришли спозаранку, чтобы не пропустить случая показать, что им море по колена и что прошли те времена, когда они дрожали перед именем Победоносцева.

Увы, те же ненормальные условия, с другой стороны, проявляются и в отношении молодежи к священной памяти. Несомненно, как сказала старушка Жорж Санд, когда молодежь не может проявить все, что у нее есть на душе смелого и честного, иначе как покушаясь на общественные устои, значит, общество очень плохо. И не нужно никаких объяснений, чтобы понять, как от желания выразить коллективную скорбь в устройстве гражданских похорон молодежь вдруг перешла к решению устроить сегодня уличную манифестацию в пользу отмены смертной казни. Это тем более просто, что мысль связать с памятью великого писателя, написавшего свое знаменитое «Не могу молчать», отмену пережитка печальных времен уже высказана на столбцах газет. Но устраивать с этой целью манифестации, соединять их с памятью Толстого, вызывать трагические возможности, которые омрачат светлую скорбь у свежей могилы — вокруг которой витают лучшие, чистейшие помыслы человечества, рисковать человеческой жизнью — значит обнаруживать отсутствие искренней любовности к священной памяти, разминывать величие Толстого, производить насилие над духом его.

Хочется верить, что чуткая молодежь, которая еще так недавно переживала восторги знакомства с художественными творениями великого писателя, поймет свою ошибку и не станет содействовать тому печальному зрелищу, которое враги ее создали над могилой величайшего сына родины» («Речь», 1910, № 310, 11 (24) ноября).

²⁶ В «Голосе Москвы» под заголовком «В дни скорби» была помещена следующая статья:

«Великая утрата, выпавшая на долю России, всколыхнула страну, на мгновение объединила ее в огромном горе. Единственное утешение — в единодушии искренней скорби, охватившей родину от дворцов до крестьянских изб. Но эти дни — не только печальные, они и торжественные. Торжественные по своему глубокому национальному значению.

Но, должно быть, мы не были бы русскими, если бы и эту величественную картину всерусской скорби не сумели испортить.

Прочтите, что делается в Киеве и Одессе. Чуть ли не уличный бой. Во всяком случае, есть раненые, избитые, истоптанные лошадьми. Это — результат демонстраций толпы.

Конечно, одесские и киевские события получают надлежащее освещение на столбцах левой печати: бедные, ни в чем не повинные студенты и кровавая администрация, для которой бить студентов — великое удовольствие.

Но если и оставить в стороне такие предвзятые объяснения, то из этого не следует, что киевские и одесские события можно обойти молчанием. Они важны. В них, как в капле воды, отразился весь ужас русской бестолковщины, из которой вот уже несколько лет никак не может выкарабкаться страна.

Нам кажется, что прежде всего киевская учащаяся молодежь поступила неправильно, вынося свое горе, частицу горя общерусского, на улицу, превратив ее в орудие неуместной демонстрации. Если искренней была потребность пропеть «Вечную память» Толстому, — кто мешал это сделать в стенах университета? Зачем нужно было петь непременно на улице, толпами двигаясь по городу, останавливая движение, возбуждая прохожих? Так ли выражают уважение к памяти великого человека?

Но в одинаковой степени неправильно поступила и киевская администрация. Едва ли не она и вызвала эту демонстрацию, как протест против нелепого запрещения отмены спектаклей под угрозой закрытия театров. Распоряжение это было не только явно незаконным, потому что никакие законы не запрещают антрепренерам отменять спектакли по своему усмотрению, но и шло против указаний центрального правительства, предложившего местной администрации не оказывать давления на общество в его проявлениях по поводу смерти Толстого.

В результате этой двойной бестолковщины и произошли уличные стычки с ранеными и пострадавшими.

Беспорно, киевская молодежь, полагающая, что память Толстого можно чествовать не иначе как с нарушением общественной тишины и приличия, очень своеобразно понимает те обязанности, которые лежат на каждом культурном человеке.

Но бесспорно также, что администрация, посылающая против поющей «Вечную память» толпы конный дивизион с обнаженными шашками, — администрация довольно беспомощная.

Скажут — нельзя же допускать свободы беспорядков. Нельзя же, чтобы толпы бродили по улицам, останавливая всю городскую жизнь.

Конечно, нельзя.

Но как это предотвратить — вопрос такта и распорядительности администрации. Для нас лишь ясно, что рубить шашками людей только за то, что они что-то поют и запрудили улицу — средство слишком «драстическое».

Во время восстания такая энергичная расправа, может быть, и похвальна, но по отношению к мирным гражданам эта тактика никуда не годится.

И если толпа не умеет себя сдерживать, иногда выходит за границы дозволенного, то на это она и толпа. Но когда не владеет собой администрация, это и непонятно и непростительно.

На почве этой чисто русской неразберихи и разыгрались при-скорбные события в Киеве и Одессе, испортившие и омрачившие ненужным насилием печально-торжественные дни великой скорби.

Над этим нужно задуматься.

Мы безнадежно топчемся на месте, безнадежно путаемся в кругу противоречий, и как будто ни одна сторона не хочет вступить на тот путь не только культурной работы, но и культурной общестственности, культурных взаимоотношений отдельных групп, — который сам собой должен быть ясен в условиях обновляющейся жизни» («Голос Москвы», 1910, № 260, 11 (24) ноября, стр. 1).

²⁷ Это замечание Ленина вызвано передовицей «России» (ежедневная газета реакционного, черносотенного характера, выходила в Петербурге с ноября 1905 по апрель 1914 г.; с 1906 г. — орган министерства внутренних дел, субсидировалась из секретного фонда правительства), преимущественно следующим местом: «Понятно, конечно, и другое: истинный смысл того обращения к молодежи (см. примеч. 24. — С. Б.), с которым выступали за полчаса до уже

окончательно слаженной демонстрации представители думской «оппозиции». Теперь, когда все уже находится во власти событий, заметьте: событий, искусственно созданных трудами кадетских листов и всем, что ими прикрывается; когда, следовательно, всякое такое обращение, как то, с которым выступили господа кадеты, не только не может подействовать отрезвляюще, а, наоборот, неизбежно должно разжечь страсти, — теперь пускается в ход это обращение!.. Мы глубоко убеждены, что авторы «обращения» на этот раз жестоко ошибутся: общество не позволит себя обманывать, и оно отлично поймет, кто и зачем оторвал учащихся от занятий, чтобы указать им путь уличных скандалов. Поймет оно также и истинную цену этих явно рассчитанных на разжигание «успокоений» («Россия», 1910, № 1530, 12 (25) ноября, стр. 1).

²⁸ Эти сведения Ленин почерпнул из следующей телефонограммы петербургского корреспондента газеты: «...Депутат Шульгин, первый поднявший вопрос о готовящихся беспорядках, считает сегодняшнюю демонстрацию подготовительным шагом со стороны крайних левых партий для более серьезных выступлений: «Для меня совершенно ясно, кто является закулисными руководителями движения, искусственно прикрытого именем Толстого, это комитеты с.-д. и с.-р. Судя по опубликованному сегодня воззванию в «Речи» (см. примеч. 24. — С. Б.), кадеты являются противниками демонстрации. За исключением с.-д., депутаты всех партий относятся отрицательно к выступлению студенчества на улицах» («Голос Москвы», 1910, № 261, 12 (25) ноября, стр. 3).

²⁹ Приводим это сообщение дословно: «К вечеру в кулуарах (Думы. — С. Б.) передавали, что неудача сегодняшней демонстрации вызвана отказом рабочих организаций принимать в ней участие. Рабочие, по слухам, носившимся в кулуарах, предложили студенческим организациям устроить совместную грандиозную демонстрацию в воскресенье, 14 ноября. Известие о том, что предложение рабочих будет обсуждаться на завтрашних сходках во всех высших учебных заведениях, произвело удручающее впечатление на членов Государственной думы. Это впечатление еще усилилось, когда одним из депутатов было передано известие, что

петербургский коалиционный комитет поднял вопрос об объявлении всероссийской студенческой забастовки» (там же).

³⁰ Впервые напечатано в полулегальной московской газете, руководимой большевиками («Наш Путь», 1910, № 7, 28 ноября (11 декабря), стр. 2—3), за подписью «В. И-ин».

³¹ Из этих многочисленных откликов рабочих, в виде образца, приводим сводку, напечатанную в том же номере «Нашего Пути», что и комментируемая статья Ленина, и, стало быть, приведенную там как бы в pendant к последней:

Рабочая Москва о смерти Толстого

Рабочие электрического завода Вестингаузена единогласно постановили прекратить 9-го ноября, в день похорон, работы, основываясь на постановлении фракции с.-д. Государственной думы. Предполагается также пожертвовать заработок одного дня на учреждение библиотеки имени гр. Л. Н. Толстого.

— Рабочие типографии Ф. Я. Бурге не работали в день похорон и послали телеграмму.

Рабочие типографии товарищества И. Н. Кушерева прекратили занятия и отслужили гражданскую панихиду.

— Наборщики «Русских Ведомостей» послали следующую телеграмму: «Потеряв в лице Л. Н. Толстого великого писателя-мыслителя, мы со всем культурным миром разделяем наше национальное горе.

Сомкнулись уста великого человека, безбоязненно говорившего правду, к которой прислушивалось все человечество».

— Наборщики типографии газеты «Русское Слово» отправили на имя Черткова телеграмму следующего содержания:

«Наборщики газеты «Русское Слово» с чувством глубокой скорби переживают вместе со всем миром печальный траур России, потерявшей в лице Льва Толстого великого учителя, проповедовавшего мир, любовь и равноправие на земле, — как залог новой жизни. Не стало сеятеля добра и стража совести людской, но

вечно будет жить огненный глагол его. Клянемся праху твоему, великий поборник истины».

— Рабочие и служащие типографии т-ва Кушнерева отправили телеграмму С. А. Толстой:

«Рабочие и служащие типографии товарищества И. Н. Кушнерева присоединяют свою глубокую печаль к великой скорби всей России и человечества об утрате великого светоча мысли. Наш язык слишком слаб, чтобы охарактеризовать ту деятельность, ту неустанную работу, которую совершал великий человек здесь, среди нас, на земле, будя в каждой душе запросы высшей человеческой правды и любви к ближнему. Да будет легка тебе земля, великий человек!»

— Рабочие товарищества московской кружевной фабрики в день похорон прекратили работы и послали семье покойного телеграмму:

«Всем сердцем присоединяясь к великой мировой скорби по поводу кончины народного писателя и мыслителя русского, мы выражаем вам свое глубокое соболезнование в постигшем вашу семью тяжелом горе. Желая ознаменовать день погребения великого писателя и не имея возможности выразить это иначе, мы, рабочие товарищества московской кружевной фабрики, в день погребения прекратили работы».

— Рабочие фабрики Юргенсон: «Глубоко потрясенные кончиной пророка и всемирного защитника трудящихся масс, разделяем с вами мировую скорбь. Рабочие печатни Юргенсон». Кроме того, постановлено пригласить на фабрику лектора для прочтения лекции о Л. Н. Толстом и сделать сбор на покупку его произведений для рабочих.

— Рабочие миусского депо городского электрического парка: «Уста немеют, язык не повинуется; но неизбежное роковое слово — «его не стало» — мы невольно должны произнести. Не стало великого апостола любви! Не стало творца и проповедника мира! Не стало стойкого, непоколебимого богатыря, охранявшего заветы любви и правды. Он ушел от нас, оставшись верен своим заветам. Он ушел от нас с надеждой, что

мы будем сохранять его заветы. Последнее «прости» вырывается из груди угнетенного рабочего люда. Да будет тебе вечная, вечная, вечная, вечная память, прямой обличитель лжи и великий учитель жизни!»

— Группа служащих фирмы Чичкина отправила С. А. [Толстой] следующую телеграмму: «Угас светоч добра и правды. Не стало проповедника царства божия внутри нас. Он умер, но дух его будет жить из века в век. Мы выражаем свою глубокую скорбь в постигшем вас и весь мир великом горе».

— Рабочие типографии А. И. Мамонтова закончили работу в 4 часа дня, после чего устроили собрание, на котором единогласно решили отчислять проценты в фонд бедных имени Льва Николаевича. Один из рабочих произнес речь, посвященную памяти Л. Н. Собрание закончилось пением «Вечной памяти».

— Рабочие портные и портнихи торгового дома Рогаткин—Ежиков прекратили работу с полудня и послали семье Л. Н. следующую телеграмму: «Скорбим по утрате великого учителя любви и правды и защитника угнетенных и поработанных».

— Портные и портнихи фирмы Мандель, на Петровке, в числе 60-ти человек, прекратили работу с 12-ти час дня. Была послана сочувственная телеграмма на имя Софьи Андреевны.

— С утра до обеда рабочие фабрики Бромлей и К. Гивартовского, в знак траура, не работали.

— Весь день не работали рабочие на заводах Густава Листа и А. Бари.

— Рабочие московского отделения общества электрического освещения выражают великую скорбь по поводу утраты великого человека, учителя, смелого борца за идеалы лучшей трудовой жизни.

Группа заводских рабочих отправила С. А. телеграмму: «Рабочие выражают вам свое соболезнование по случаю тяжелой утраты в лице великого писателя и учителя, — «льва мысли».

— Московское Общество взаимопомощи официантов послало телеграмму:

«Глубоко потрясенные утратой великого искателя истины и проповедника любви и равенства, вместе со всей честной и мыслящей Россией, выражая свою великую скорбь, шлем земной поклон его праху. Рожденный в богатстве и славе, он возвысил свой мощный голос в пользу слабых и бедных и этим стал велик!»

— 13-го ноября состоялось общее собрание членов Общества взаимопомощи официантов. По предложению председателя совета Общества Р. Д. Вострякова собрание почтило вставанием память Л. Н. Толстого и ассигновало 900 рублей в фонд имени Л. Н. Толстого.

— Московское профессиональное Общество рабочих-мануфактуристов выражает свою глубокую печаль по случаю кончины великого таланта, неутомимого и смелого разоблачителя и обличителя лжи и насилий нашей жизни и борца против смертной казни.

— Телеграмма профес. общества столяров:

«Московское профессиональное общество столяров, токарей и плотников разделяет скорбь об утрате великого писателя, мыслителя и борца за освобождение человечества от насилия и гнета».

— Профессиональное общество фотографов-работников послало семье графа Л. Н. Толстого следующую телеграмму:

«Пройдут года. «Власть тьмы» рассется над несчастной родиной, и «Воскресение» заживет в умах и сердцах людей, над чем так страшно долго и упорно трудился великий человек и христианин Лев Толстой».

— В экстренном заседании совета общества поваров в память Л. Н. Толстого была почтена вставанием, в Ясную же Поляну была отправлена, за подписью председателя и секретаря собрания, телеграмма с выражением искреннего соболезнования об утрате великого писателя и человека, защитника трудящихся и обездоленных. Правление общества поваров в состоявшемся

вчера заседании постановило учредить при обществе фонд по увековечению памяти Л. Н. Толстого, не определяя пока самого способа увековечения.

— Служащие управления Московско-Виндавской железной дороги:

«Преклоняясь пред бессмертием гения великого художника-мыслителя, присоединяемся к глубокому горю беспредельно тяжелой утраты».

— Среди железнодорожных служащих московского узла наиболее отзывчивыми к памяти Л. Н. Толстого оказались агенты Рязанско-Уральской жел. дороги, среди которых успешно идет подписка на фонд увековечения памяти Льва Николаевича.

За ними следуют служащие Московско-Казанской и Киево-Воронежской железных дорог, открывшие также подписку с этой целью.

— Московский Союз Потребительных Обществ послал делегацию на похороны и прекратил в день похорон занятия во всех учреждениях.

На собрании служащих Союза 9 ноября, посвященном памяти Льва Николаевича, постановлено было от имени служащих Союза послать в «Русские Ведомости» телеграмму следующего содержания: «Разделяем мировую скорбь об утрате великого светильника земли русской, Льва Николаевича Толстого».

Многие московские потребительные общества прекратили 9 ноября торговлю на полдня («Наш Путь», 1910, № 7, 28 ноября, стр. 7).

³² Упомянутая телеграмма была послана в Астапово на имя ближайшего друга Толстого — В. Г. Черткова: «Социал-демократическая фракция Государственной думы, выражая чувства русского и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого, непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых». Текст телеграммы обсуждался на экстренном заседании фракции 7 (20) ноября. Помимо телеграммы было решено

послать для участия в похоронах писателя двух депутатов, которым было поручено возложить на гроб венок со следующей надписью: «Льву Николаевичу Толстому — социал-демократическая фракция Государственной думы от российского пролетариата». Далее, решено было внести на следующий день в Государственную думу в начале заседания предложение почтить память Толстого вставанием и отменить заседание. Наконец, постановлено было, если в Государственной думе будет поднят вопрос о погребении Толстого на государственный счет, поддержать это предложение (см.: «Речь», 1910, № 307, 8 (21) ноября, стр. 4).

³³ В Толстом соединились два старинных знатных рода графов Толстых (со стороны отца) и князей Волконских (со стороны матери). Первые происходили от выходца из литовских областей Пруссии (крестившегося в XIV в.) и получили графский титул при Петре I, вторые вели свой род от Рюрика.

³⁴ Обитатели ночлежных домов в районе Хитрова рынка в Москве, жизнь которых Толстой описал в статье «Так что же нам делать?» (1886).

³⁵ Впервые напечатано в большевистском нелегальном популярном органе «Рабочая газета», Париж, 1910, № 2, 18 (31) декабря, стр. 2; без подписи. Авторизованное издание.

³⁶ Первоначально опубликовано в большевистском легальном журнале «Мысль», Москва, 1910, № 1 (декабрь), стр. 69—73; подпись — «В. И.». Авторизованное издание.

³⁷ *Потресов А. Н.* (1869—1934) — один из лидеров меньшевизма, идеолог ликвидаторства, играл руководящую роль в журналах «Возрождение», «Наша Заря» и др. Во время первой мировой войны — социал-шовинист. После Октябрьской социалистической революции эмигрировал, за границей сотрудничал в еженедельнике Керенского «Дни», выступал с нападками на Советскую Россию. «Наша Заря» — ежемесячный легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов, выходил в Петербурге в 1910—1914 годах.

³⁸ Заглавие статьи — «Толстой и русская интеллигенция», помещена на стр. 43—52.

Базаров (В. А. Руднев; 1874—1939) — экономист и философ, в социал-демократическом движении участвовал с 1896 года, в 1905—1907 годах сотрудничал в большевистских изданиях, затем отошел от большевизма, стал одним из ревизионистов марксистской философии; в 1917 году — меньшевик-интернационалист, один из редакторов меньшевистской газеты «Новая Жизнь»; выступал против Октябрьской социалистической революции; с 1921 года работал в Госплане СССР.

³⁹ Названная статья была сопровождена следующим редакционным примечанием: «Печатаемая интересная статья В. Базарова, своеобразно освещающая учение Л. Н. Толстого, редакция считает нужным оговориться, что отдельные положения статьи она оставляет на ответственности автора» (стр. 43). Ликвидаторы из «Нашей Зари» ничего не смогли противопоставить статье Ленина «Герои «оговорочки», кроме следующего примечания — на этот раз в статье А. Мартынова «Дань толстовству», содержащей половинчатую критику той же статьи Базарова и статей Н. Иорданского и В. Кранихфельда из «Современного Мира»: «Редакция «Нашей Зари» оговорила, что «отдельные положения статьи она оставляет на ответственности автора». Вл. Ильин в журнале «Мысль» с бешенством обрушивается на эту «оговорочку» «ликвидаторского» журнала. Для нас неясно, почему Вл. Ильин сердится. Собирается ли он авторов, недавно примкнувших к его «антиликвидаторскому» лагерю и затем впавших в такое же покаянное настроение в толстовские дни, как Базаров, разжаловать в «бывшие соц.-демократы» без всяких «оговорочек»? Собирается ли он редакцию «Современного Мира», которая не с оговоркой помещает, а сама такие статьи пишет, расстрелять без предубеждения (!) из тяжелых орудий «Мысли?» («Наша Заря», 1911, № 2, стр. 42).

⁴⁰ Для лучшего уяснения последующего критического анализа Ленина, в котором он часто ссылается на статью Базарова, необходимо иметь параллельно текст последней, который и воспроизводим (цитируемые Лениным места даны курсивом, выделенные Базаровым — вразрядку):

«Внешняя картина толстовских дней в России являет нечто, на первый взгляд, не только неожиданное, но и прямо-таки невозможное. Этот, несмотря на массу «почитателей», неизменно одинокий человек, для которого самым нужным, самым важным и самым разумным всегда было то, что большинству — по крайней мере большинству образованных людей — не представлялось ни важным, ни разумным, ни возможным, что возбуждало к себе если не прямо насмешливое, то какое-то конфузливо-недоумевающее отношение, — человек этот действительно оказался как будто бы духовным средоточием своей родины, «совестью» русского народа и, что всего изумительнее, совестью русского интеллигентного «общества».

Наша интеллигенция, разбитая и раскисшая, обратившаяся в какую-то бесформенную умственную и нравственную слякоть, достигшая последней грани духовного разложения, единодушно признала Толстого — в с е г о Толстого — своей совестью. И несмотря на многочисленные проявления постыдной трусости в самой организации чествования памяти Толстого, это настроение, по-видимому, пока переживается довольно глубоко и искренно. Пока не отошла неделя о Толстом, русский интеллигент поддерживает «общенациональный траур» не только по соображениям официально-парадного характера, но и в силу действительной потребности взять, так сказать, духовную ванну: хоть немного, хоть на время омыться и очиститься от тех нечистот, которые в таком изобилии налипли на его душу за последние годы. Конечно, желание это уже заранее ограничено довольно скромными рамками, ибо если начать отмывать и отскабливать грязь с современной интеллигентской души, как следует, всерьез, по-толстовски, то, пожалуй, и от души-то ничего не останется.

Пройдет неделя о Толстом, и — если только не совершится событий, которые насильно вышибут из колеи «руководящие круги» русской интеллигенции — жизнь опять войдет в свое русло, т. е. нависнет обычная наша мразь всеобщего безразличия и мертвящей тоски, которую не в состоянии разогнать ни словесные коленца модных литературных фокусников, ни даже

столь участвовавшие у нас скандальчики в благородном семействе.

Скоро мысль о Толстом, о нашей «великой совести», будет тревожить нас меньше, чем мысль о прошлогоднем снеге. Но пока этот момент еще не настал, пока толстовское настроение еще не прошло, мне *хочется напомнить о некоторых несправедливостях по отношению к Толстому, в которых повинны русские интеллигенты вообще, а мы — радикалы разных толков — в особенности.*

«Толстовец» рисуется нам обыкновенно в образе ограниченного педанта, всецело поглощенного так называемым «самоусовершенствованием». Не пить, не курить, не есть мяса, заниматься физическим трудом на лоне природы, избегать всего того, что нас может сделать непосредственными участниками какого бы то ни было насилия (личного, общественного, государственного), отнюдь, однако, не противясь злу активно, — вот тот чисто отрицательный кодекс воздержания и добродетельного квиетизма, которым, по господствующему представлению, исчерпывается толстовство.

И несомненно, что многие толстовцы вполне подходят под такую характеристику. Столь же несомненно, однако, что это упрощенное и схематизированное толстовство, отрекшееся от традиционных условностей и догматов только для того, чтобы заменить их новыми условностями и догматами своего собственного изобретения, не столько воплощает в себе, сколько извращает подлинный дух учения Толстого.

Начнем с проповеди «трезвости». Для Толстого дело отнюдь не исчерпывается здесь известным гигиеническим или хотя бы даже аскетическим режимом тела и души. Практическое выполнение заповедей трезвости — «не пей», «не кури», «не опьяняйся торжественной обстановкой обрядов и церемоний» и т. п. — отнюдь не создает еще само по себе положительного блага. Это чисто формальное требование: Толстой учит здесь не тому, что надо делать, а тому, как надо делать. «Грех опьянения, — пишет он, — состоит в том, что человек вместо того, чтобы все силы своего внимания употребить на то, чтобы устранить все то, что может

затуманить его сознание, открывающее ему смысл его истинной жизни, старается, напротив, ослабить и затемнить это сознание внешними средствами возбуждения».

Это — требование последней искренности, глубокое убеждение в том, что всякое опьянение себя и других «внешними средствами», всякая прикраса, всякая искусственная шумиха, всякое привлечение посторонних мотивов может только повредить успеху истинного, живого дела. «Не опьяняться» значит: приступая к делу, дать себе строгий и трезвый отчет в том, действительно ли этого дела требует от меня «смысл жизни», — и раз это так, раз данная задача есть действительно то, вне чего жизнь лишена для меня всякого смысла, — выполнять ее лишь теми средствами, которые вытекают из ее внутренней сущности. «Не опьяняться» значит не лгать себе и другим.

И в этом смысле поучиться у Толстого «трезвости» очень и очень не мешает даже тем из нас, которые искренне убеждены, что «*Spiritus ist Privatsache*»¹, а всякая *Privatsache* есть *Nebensache*². В самом деле, многие ли способны защищать свое дело, не взвинчивая своего и чужого настроения известными упроченными традицией парадными формами, не играя на таких струнах души, которые совершенно не соответствуют данной цели, и не опьяняясь *тем особенно распространенным среди нас наркотиком, который Толстой называет «озлоблением спора»*.

Конечно, не в полемике и даже не в резкости полемики заключается этот «грех опьянения», а в общем характере и направлении ее. Более резкой, более уничтожающей полемики, чем та, которую Толстой вел с представителями господствующей церкви, трудно себе и представить. И, однако, тут не было озлобления спора; как бы низко во всех отношениях ни стоял противник, вы не найдете в полемических приемах Толстого даже намека на столь распространенную в наших рядах аргументацию *ad hominem*³.

¹ Дух есть частное дело (*лат. и нем.*). — *Ред.*

² Частное дело есть второстепенное дело (*нем.*). — *Ред.*

³ К человеку (*лат.*). Выражение, обозначающее доказательство, рассчитанное на чувства убеждаемого. — *Ред.*

Но, само собою разумеется, голый призыв к искренности был бы сам по себе бесплоден. Я бы вовсе не заговорил о «трезвости» истины и «пьянстве» лжи, если бы настроение толстовских дней не давало надежды, что мы будем склонны хоть что-нибудь практически почерпнуть из того недостижимого образчика внутренней правдивости, которым являются проповеднические сочинения Толстого.

И не отсутствие «озлобления спора» в самом злейшем разгара его тут особенно изумительно, а торжество над «соблазном» внешней художественности. На удочку внешней красоты легче всего ловится образованное человечество конца прошлого и начала нынешнего века; стоило бы такому могучему художнику, как Толстой, хоть немножко злоупотребить своим дарованием, стоило бы ему хоть слегка сдобрить свою проповедь пьяными и пряными элементами эстетизма, — и интеллигентная международная толпа тотчас же зачуяла бы в нем «своего», простила бы ему все его преступления против культуры, государства и других устоев и массами устремила бы по его стопам. Такая популярность была бы, конечно, могилой для того, что Толстой сознал как дело своей жизни; и Толстой, отнюдь не чуждый соблазну честолюбия и еще менее чуждый соблазнам художественности, ни на йоту не отклонился от того, что требовала от него внутренняя логика его жизненного призвания.

Выразить мысль возможно более кратко и ясно, и притом ясно не только для образованных, но и для самых невежественных, безграмотных людей, — таково требование, от которого он никогда не отступал. Разумеется, с этим требованием несовместимо разукрашивание мысли утонченными нюансами; несовместима даже внешняя красивость фразы. Но Толстой пошел дальше: он умышленно пренебрегал элементарным грамматическим благообразием речи, с полной беззаботностью нагромождая друг на друга ряды «что», «который», «чтобы»; он всеми силами отталкивал от себя эстетов и действительно добился того, что один из наших высокоэстетических критиков назвал его язык «беспомощным». Но вот тут-то и совершилось настоящее чудо. «Беспомощный» язык

Толстого-проповедника обнаружил неожиданную мощь. Мысли, которые люди слышали сотни раз в гораздо более красивом и гладком выражении и мимо которых они сотни раз проходили равнодушно, приобрели для некоторых из этих людей какую-то неизъяснимую, демоническую силу именно в неуклюжих фразах Толстого. И этими демоническими чарами, этой внутренней красотой, ничуть не страдающей от внешнего безобразия, захватывался уже не случайный человек, а человек, действительно близкий по духу; эта красота не могла «опьянить»; она была видима только тому, кто в «трезвом» состоянии определял смысл жизни так же, как Толстой, и выступала тем ярче, чем отчетливее становилось это трезвое сознание. Таким образом, Толстой доказал экспериментально, что настоящая красота — не та красота, которая опьяняет и развлекает или отвлекает внимание временно от жизни, — а та, которая отрезвляет и сосредоточивает человека на его жизненной задаче, — что красота эта не есть нечто отличное от истины жизни, но вполне совпадает с отчетливым и ясным пониманием последней.

Тут мы подошли к другой мнимой «ограниченности» Толстого, за которую ему сильно доставалось уже не со стороны политических радикалов, а со стороны радикальных мистиков-эстетов. Я имею в виду так называемую рассудочность Толстого, как проповедника и учителя жизни. Отрицание сверхчеловеческой благодати и основанной на вере в небесную благодать земной иерархии посредников, отрицание всякого вообще мистицизма, всякого, как выражался Толстой, «внешнего» бога, признание богом той внутри человека находящейся «силы жизни», которая дает смысл нашему существованию и открывается только сосредоточенному в себе, ничем не опьяненному, бесстрашно трезвому разуму, — вся эта разрушительно-творческая работа Толстого одинаково возмущала и правоверных и революционных «мистиков». Толстой осмелился сказать, что Иисус «только учил людей не делать глупостей»; этого не могли переварить люди, проповедующие огненный мистицизм, веру в апокалипсическое чудо преображения мира и т. п. Но вот удивительная вещь: в то время как пламенные мистики в боль-

шинстве случаев бессильны практически выступить из границ «разума» нашей обыденной жизни, Толстой, этот фанатик разума, — разума самого обыкновенного, человеческого, «эвклидовского», — только и делал, что самым неразумным, самым нерасчетливым образом нарушал сложившиеся нормы жизни и закончил свой земной путь совершенно ни с чем не сообразной, почти безумной «глупостью»: 82-х лет от роду, в возрасте, когда не только обыкновенные люди, но и некоторые настоящие пророки и религиозные реформаторы считали себя вправе спокойно умереть в кругу близких людей, Толстой покинул семью и направился куда-то в туманную даль искать праведной жизни.

Уже отсюда ясно, что с «рассудочностью» Толстого дело обстоит не совсем ладно. В самом деле, припомните, как описывает Толстой наиболее важные моменты истории своего обращения. «Не умом, не сердцем, — говорит он, — а всем существом своим я понял». Толстой понимает «всем своим существом», и такое понимание он называет деятельностью разума. Это не рассудочность, не одностороннее развитие одной функции, а сосредоточенность и гармония всех сторон душевной деятельности, настолько полная, что при самом свободном, самом «автономном» развитии каждой из них не получается никакого противоречия, даже никакого обособления, но царствует совершенное единство. Подобным же складом души обладали те древние философы, которые справедливость и красоту познавали совершенно так же, как познают истину известных положений. Часто говорят, что тут сказывается наивность древних, их неумение отделить друг от друга автономные области познавательных, эстетических и нравственных ценностей. Но дело здесь не в утончении методов анализа, а в действительном раздроблении, в распаде того единства, которое имелось у древних. Современные культурные люди только потому и могут так хорошо выделять анализом автономные сферы своей душевной жизни, что душа их фактически разложилась на самостоятельные, ничем между собою не связанные куски и кусочки. И уже конечно в этом слабость, более того, в этом неизлечимая, смертельная болезнь современной культуры,

а отнюдь не ее сила. Для иллюстрации я напомним читателям-марксистам то время, когда не умели отличать добро от истины, когда мы гордо заявляли, что место нравственности у нас заступает причинность, и когда наши противники вопили по поводу марксистского бездушия. Теперь многие из нас научились отделять в себе нравственность от познания, «осознали автономную ценность моральных норм», — кажется, чего лучше? А между тем я уверен, никто из людей, претерпевших сие высококультурное превращение, не скажет, положив руку на сердце, что убеждения его выиграли от этого во внутренней силе и внешней притягательности.

Главная сила Толстого именно в том и состоит, что он, пройдя через все ступени типичного для современных образованных людей разложения, сумел найти синтез; он сумел осуществить настолько полное единство всех душевных сил, что тот распад, тот «анализ», от которого он в былое время готов был искать спасения в самоубийстве, перестал быть ему понятным, даже чисто теоретически. И новое единство было действительно синтезом, т. е. Толстому не пришлось сделать никакого принципиального пожертвования, не пришлось отказаться ни от одного из тех прав разума, которые он считал неотъемлемыми, не пришлось признать ни одного из тех суеверий, которые он отверг в период своего неверия. «Верующим» в обычном смысле он не стал и после. «Веру» в смысле доверия к тому, что нам сообщают другие, но чего мы не в состоянии проверить сами, в особенности же веру в положения, недоступные или противоречащие человеческому разуму, он объявил обманом и главным препятствием на пути к открывшейся ему религиозной истине. Толстой впервые объективировал, т. е. создал не только для себя, но и для других, ту чисто человеческую религию, о которой Кант, Фейербах и другие представители современной культуры могли только субъективно мечтать.

Несмотря на всю ненависть к «прогрессу», несмотря на яростное отрицание современной культуры, Толстой в самой основе своей проповеди является верным сыном этой культуры. Он дал завершение ее основной тенденции. Борьба с верой в сверхчеловеческие начала, борьба с церковными и политическими учреждения-

ми, опирающимися на эту веру, имела немало героев и мучеников. Но значение их заключалось главным образом в разрушительной работе. Положительно исповедать ту «силу жизни», ту силу человеческой «любви», которая двигала ими, им как-то не удавалось. Одни вовсе уклонялись от такого исповедания, другие тщетно прибегали к «опьяняющим» средствам декламации и риторики, третьи, сознав всю слабость, изменяли своему делу и старались опереться на то самое уважение к авторитетам, к иерархии жрецов и правителей, к церемониям и обрядам, против которого они боролись. Толстому первому дано было выяснить веру в человека и его чисто человеческое призвание в такой простоте, в такой ясности и такой несокрушимости; каких до него достигали только религиозные подвижники на почве веры в сверхчеловеческих «внешних» богов. В этом, и только в этом смысле учение Толстого есть «религия». Он открыл в себе и помог открыть в себе другим ту внутреннюю силу жизни — любви, которую испытывали некогда христианские мистики, приписывая ее «непосредственному единению с богом», и которой давно уже нет ни в одной существующей церкви. Это, очевидно, почувствовали те из наших духовных и светских администраторов, которые в последние дни жизни Толстого так хлопотали о его примирении с церковью. Они поняли, что нравственное обаяние одинокого человека Толстого и его чисто человеческого учения, даже в глазах простого и по простоте верующего народа, начинает перевешивать авторитет свыше установленной иерархии и что этим подрывается не только уважение к современным представителям иерархии, которого давно уже нет, но и самая вера в небесный принцип этого земного установления, которая еще не исчезла.

Но Толстой не мог быть членом церкви, он может стать только ее преемником.

Само собою разумеется, основанное Толстым движение должно претерпеть глубокие перемены, если ему действительно суждено сыграть великую всемирно-историческую роль: идеализация патриархально-крестьянского быта, тяготение к натуральному хозяйству и многие другие утопические черты толстовства, кото-

рые в настоящее время выплывают на первый план и кажутся самым существенным, в действительности являются как раз субъективными элементами, не связанными необходимой связью с основой толстовской «религии». Из всех, писавших в последние дни о Толстом, как проповеднике, всего ближе к истине, по-видимому, Гергарт Гауптман, сказавший, что Толстой более, чем религиозный реформатор, но что это его значение может определиться не ранее, как через 20—30 лет.

В непосредственной связи с «трезвой рассудочностью» толстовского учения находится и тот последний пункт, о котором я хотел упомянуть и который вызвал особенно резкую критику со стороны радикальной интеллигенции. Я имею в виду «непротивление злу насилием». Что вполне последовательный толстовец не может противиться злу насилием, это ясно само собой: если человек действует всегда «трезво» и «разумно» в толстовском смысле, если он дает себе совершенный отчет в каждом своем поступке и решается лишь на такие поступки, которые органически вытекают из познанного им «смысла жизни», то, конечно, никакое противоречие между целью и средством здесь не мыслимо, никакое злое средство ради достижения доброй цели не может быть применено. Верно ли, однако, господствующее убеждение, что этот избыток морального сознания неизбежно влечет за собою квиетизм, добродетельное умывание рук, пассивное «неделание»? Нет надобности пускаться в длинные рассуждения для того, чтобы ответить на этот вопрос; перед нами классический образчик последовательной борьбы со злом путем непротивления ему насилием, знаменитое «не могу молчать»! Мораль его, очевидно, такова. Раз мы, в силу связи с известным обществом, — хотя бы только связи сосуществования, — чувствуем себя участниками некоторого укоренившегося в этом обществе зла, раз мы «трезво» сознали, что «разум» наш абсолютно не в состоянии примириться с этим злом, мы должны и в одиночку и скопом, и келейно и публично, решительно всеми доступными для нас способами обличать это зло, донимая в особенности тех, от кого оно непосредственно зависит, — мы должны, ни на минуту не отдыхая, вести эту «непротивляющуюся» борьбу

со злом до тех пор, пока или зло будет уничтожено, или сами мы будем лишены физической возможности продолжать наше непротивление, т. е. пока нам самим не накинута на шею веревка. Ясно, что о «пассивности» и «квиелизме» тут говорить не приходится. Не фарисейского отстранения от зла, не пилатовского «умываю руки!», а величайшего подвижничества, почти сверхчеловеческого героизма требует от личности толстовское противление злу без насилия.

Но, по-видимому, требование это совершенно неприменимо к общественной жизни. В своей известной сказке об «Иване Дураке» Толстой дает картину торжества непротивления злу в общественном масштабе: «дураки» не оказывают никакого сопротивления солдатам тараканского царя, объявившего им войну, — наоборот, жалеют этих солдат, дают им сколько угодно всяческого добра и зовут к себе жить. А когда солдаты начали огнем и мечом опустошать царство дураков, эти последние только плакали:

«За что, говорят, вы нас обижаете? Зачем, говорят, вы добродаром губите? Коли вам нужно, вы лучше себе берите».

«Гнусно стало солдатам. Не пошли дальше, и все войско разбежалось».

Малому ребенку понятно, что так идиллически дело не могло бы кончиться, что дураки стали бы в конце концов рабами тараканского царя. И, однако, в этой, по-видимому, младенческой наивности далеко не все так наивно, как может показаться с первого взгляда. Для того чтобы убедиться в этом, стоит себе только представить, что солдат посылает на дураков не тараканский царь, а их собственный поумневший повелитель Иван, что при помощи этих солдат, набранных из самих же дураков и, следовательно, близких к ним по всему своему душевному складу, Иван хочет принудить своих подданных к выполнению каких-либо несправедливых требований. Совершенно очевидно, что дуракам, почти безоружным и незнакомым с ратным строем, нечего и мечтать о физической победе над войском Ивана. Даже при условии самого энергичного «сопротивления с насилием» дураки могут победить Ивана не физическим, а только моральным воздействием,

т. е. путем так называемой «деморализации» солдат *Иванова* войска. И, конечно, странно было бы думать, что наилучшим средством для такой деморализации, для такого возбуждения к себе сочувствия, является насилие над некоторыми из тех самых людей, сочувствие которых имеется в виду возбудить.

Простая внешняя целесообразность, простой рассудочный расчет говорит здесь дуракам совершенно то же самое, что и голос совести. И если мы тем не менее убеждены, что подобного рода победы без насилия никогда никем не одерживались и не могут одерживаться, то отнюдь не потому, что метод Толстого по самому принципу своему есть санкция социальной пассивности, а потому, наоборот, что он требует от рядовых членов данной социальной группы совершенно непосильного для рядового человека героизма. *Спротивление дураков с насилием достигает того же результата (но только хуже и с большими жертвами), как и сопротивление без насилия*; все практическое преимущество насилия состоит лишь в том, что оно позволяет заменить тех «первых попавшихся» рядовых дураков, на которых нападут солдаты, лучшими, наиболее стойкими из них, и от этих последних требует обыкновенного человеческого, а не исключительного мужества.

Непротивление злу насилием или, общее, гармония средства и цели отнюдь не является идеей, свойственной только внеобщественным моральным проповедникам. Идея — это есть необходимая составная часть всякого цельного мирозерцания. Она исповедовалась, например, Гегелем, по учению которого цель и средство органически связаны между собою, и средство, противоречащее цели, не то что «не дозволено», но просто «не действительно», т. е. не есть средство, ведущее к данной цели. И если никакая общественная практика не возможна при абсолютном осуществлении этого требования, то и обратно, никакая общественная практика не возможна при абсолютном его игнорировании. Я позволю себе привести только один пример. Как известно, прогрессивные общественные группы в период борьбы за господство и в интересах этой борьбы вынуждены зачастую в своей организации и в своей деятельности заимствовать многие внешние приемы и у про-

тивника. При этом неизбежно изменяются в соответственную сторону и многие внутренние навыки, привычки, весь психический склад. Конечно, теоретически эта перемена обыкновенно не сознается; люди каждый свой фактический шаг сопровождают известным *reservatio mentalis*¹, — что это, мол, лишь пока, лишь до победы и в целях победы. Но вот победа наступает, — и оказывается, что победившие не в силах вынести своей победы, что они в состоянии господствовать лишь при помощи тех принципов, против которых они вели победоносную борьбу. Тогда говорят о реакции, об измене; и измена тут действительно есть, но она произошла не тогда, когда люди сознали и открыто признали происшедший в них переворот, а когда они позволили этому перевороту совершиться, когда они наивно верили, что голое *reservatio mentalis* может парализовать органическое несоответствие между средством и целью. Но, конечно, полной внутренней реакции никогда не бывает, ибо совершенно игнорировать принцип внутреннего соответствия между целью и средством не может ни одно общественное движение. В противном случае борющаяся группа так быстро выродилась бы, что она не только не смогла бы одержать победы, но вообще немедленно утратила бы всякое общественное значение.

В последнее время у нас в России многие люди, любящие не столько моральное действие, сколько морализирующее бездействие, стараются замаскировать свою внутреннюю дряблость и выдать ее за абсолютную внутреннюю целесообразность, противопоставляя последнюю целесообразности внешней. Мы должны напомнить таким людям, что абсолютная целесообразность *обязывает*, и обязывает к героическому подвижничеству. Видеть в ней оправдание самодовольного примирения с существующим строем жизни есть величайшее лицемерие, величайшее преступление не только против «общественности», но и против личной морали.

Что же касается самого противопоставления внутренней и внешней целесообразности, то, как мы только что видели, оно ли-

¹ Мысленная оговорка (лат.). — Ред.

шено всякого смысла. Взятые абсолютно, в чистом виде, внутренняя и внешняя целесообразность не различные вещи, а совершенно одно и то же. Полная, внутренняя гармония средства и цели есть в то же время наивысшая внешняя успешность; идеальное осуществление разумности в наших действиях есть в то же время идеальное осуществление в них добра. Но мы не идеальные, а средние люди, и потому вынуждены поступаться... не внутренней целесообразностью в угоду внешней и не внешней целесообразностью в угоду внутренней, а обеими ими сразу. И наш жизненный такт, наше «чутье действительности» должно подсказать нам, до каких пределов можем мы идти по пути компромисса с нашим разумом и нашей совестью, т. е. как должны мы поступать, чтобы деятельность наша не парализовалась «бременами неудобноносимыми» и в то же время соответствовала своей цели, чтобы мы осуществляли наше историческое призвание, делая возможно меньше глупостей, или, что то же, возможно меньше зла.

Мы не можем принять целиком ни толстовской «трезвости», ни толстовской «рассудочности», ни толстовского «непротивления». Мы в о в с е бы не были в состоянии выполнить нашей жизненной задачи, если бы мы не взвинчивали себя немного кое-какими «опьяняющими» средствами, не укрывались бы порою под сень «веры» в смысле слепого доверия к известной догме или известному авторитету, если бы не прибегали в некоторых случаях к борьбе со злом при помощи зла. Но совершенно незачем из нужды делать добродетель. *Незачем изображать нашу слабость в виде силы, в виде превосходства над «квиелизмом» и «ограниченной рассудочностью» Толстого. Этого не следует говорить не только потому, что это противоречит истине, но и потому также, что это мешает нам учиться у величайшего человека нашего времени.* А поучиться у него есть чему каждому из нас, к какому бы общественному лагерю мы ни принадлежали.

⁴¹ Ср.: Э н г е л ь с Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, гл. III (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 21, стр. 292—299).

⁴² «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях Семеновине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах»; написана Толстым в 1885 году для издательства «Посредник».

⁴³ В статье «Критические наброски. По поводу одного выступления одного юркого человека».

⁴⁴ М. Неведомский (М. П. Миклашевский; 1866—1943) — социал-демократ, меньшевик, литературный критик и публицист, в годы реакции ликвидатор, солидаризировался с авторами контрреволюционного сборника «Вехи», выступал против партийности литературы; после Октябрьской социалистической революции занимался публицистической деятельностью. Заглавие разбираемой Лениным статьи Неведомского — «Смерть Льва Толстого»; вся передовица заключена в траурную рамку; по соображениям, высказанным в примеч. 40, приводим соответствующие отрывки из этой ликвидаторской статьи:

«...Толстой — величайший художник нашей эпохи, один из тех гениев художественного слова, какие рождаются раз на протяжении столетий. С этой художественной гениальностью он сумел сочетать мирозозерцание, создав мистико-моралистскую систему, стройную и последовательную, дающую ответы на кардинальные запросы духа... И, может быть, это редкостное сочетание и объясняет его силу, его мировое значение?

Может быть... Может быть, и это. Но, очевидно, *не одно это*. И прежде всего не с *ответами*, которые дает Толстой, солидаризируется современное человечество: ведь резче расходиться, более радикально противоречить всем стремлениям, всему духу современности, чем противоречит им Толстой, — нельзя. Толстой и все культурно-философское движение современного человечества — это два полюса.

Думается, незачем это и доказывать. Аскетический отказ от завоеваний культуры, опростительство и морально-индивидуальное самоусовершенствование — с одной стороны; экспансивное развитие личности в обществе, синтез индивидуального начала с началом коллективизма и организованное коллективное овладе-

ние силами природы путем развития внешней культуры — с другой. Мистико-моралистское начало бога-добра и отказ во имя его от творческой, жизнестроительной деятельности интеллекта и — вера в интеллект, в человека, в планомерное жизнестроительство, освобождение разума от оков и пут мистики. Поистине — два полюса, две противоположности, — не в содержании только сегодняшних утверждений, но и в потенциях, в целях, в самом направлении движений...

И тем не менее — солидарность, какие-то точки схождения, интимная связь. Даже прежде всего — *интимная*...

Не рассудочным признанием величия, не сознательной только оценкой значения Льва Толстого веет от всех этих откликов на его смерть мыслящих людей всего мира, а прежде всего — каким-то трепетом и теплом непосредственного живого чувства, прорывающегося до известной степени — «рассудку вопреки». Интимно непосредственно всем он был нужен и близок.

И думается, разгадку этого надо искать в одной черте духовного облика Толстого, в одной исключительной в наши дни особенности его, как художника, мыслителя, личности.

Великий сын великой эпохи падения рабства в России, великий «кающийся дворянин», Толстой сумел воплотить идеологическое начало, воодушевлявшее всю эту эпоху, в необычайной, несравненной полноте и чистоте.

Лев Толстой — это завершенное, законченное выражение духовных основ эпохи указанного социального перелома, духовных основ целой полосы нашей общественности, нашей литературы, нашего исторического бытия словом. От Герценов до Михайловских, от Григоровичей до Успенских — все жило этими основами; от декабристов до Желябовых и Перовских все самоотвергалось и шло на героические подвиги при свете, в общем, все тех же основных идей, которые кристаллизовались, систематизировались и нашли свою законченную форму в творчестве и личности Толстого. Вряд ли можно найти другую историческую фигуру, которая обнаруживала бы так осязательно зависимость между средой, эпохой — с одной стороны, и — гениальной личностью,

как их выразителем, завершителем, вершиной... И, вобрав в себя и воплотив в законченном виде основные aspirations и стремления великой эпохи падения рабства в России, Лев Толстой оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — *начала совести*.

Есть ли нужда доказывать, что именно начало совести было нервом и *primum movens*¹ всей эпохи народничества, всей полосы нашей жизни, когда «дворянское покаяние» владело сердца-ми не только фактических представителей этого класса, но и измы-тых и унесенных той же идеологической волной мыслителей и борцов из «разночинцев» из демократии?

Есть ли нужда доказывать, что все творчество Толстого, все дело его жизни — есть неизменное и бесстрашно последователь-ное служение именно этому началу? (...)

Толстой от начала и до конца чужд всякой политике, всякому общественному действию. Он неизменно мыслит и действует на свой собственный страх и счет. И призывает только к таким инди-видуальным действиям и к такой же индивидуальной работе созна-ния и совести... Но от этого интимная близость его со всем, чем жила его эпоха, конечно, не становится менее ощутительной. Вопло-щения иные, но дух — тот же.

От совести, как личного начала, переходя к совести социаль-ной, он создает свое социально-утопическое учение. И опять ска-зывается эпоха — двуединый барски-крестьянский уклад тогдаш-ней жизни, и Толстой прежде всего занят аграрным — *крестьян-ским* — вопросом, и, всюду и везде последовательный, ни перед чем не отступающий, приходит к своему *аграрному* крестьянскому анархизму. Идея совести подсказывает ему его мистико-метафизи-ческую систему с началом абсолютного *бога-добра* в ее основе, с этим сократовским *δαμόνιον*² внутри каждого из людей.

¹ Первая причина, первое побуждение (*лат.*). — *Ред.*

² Гений (*греч.*). Сократовский «демон», или «гений», вызвал много толкований. Гегель считал, что это не позднейший ангел-хранитель и не совесть человека, а внутренний голос, свойствен-ный именно данной личности и подсказывающий ей поступки и поведение. — *Ред.*

Идея совести приводит его последовательно к учению о непротивлении злу, к отрицанию всякого насилия, далее — к отрицанию власти, государства. И вот учение его превращается в пассивный *крестьянски-христианский* анархизм.

С своей бесстрашной последовательностью он, остановившись на больном вопросе о поле, на вопросе о современной семье, готов крикнуть: «Да погибнет человеческий род, если он не может быть чистым, как повелевает совесть!» Веления социальной совести приводят его к отрицанию всего почти современного искусства, к отрицанию Шекспира и Бетховена, к отрицанию себя самого, как творца великой эпопеи «Войны и мира», и к проповеди искусства всенародного, народного, всем понятного, всех объединяющего.

И все эти требования не откладываются выполнением, не отодвигаются в даль неопределенного будущего. Толстой с своей жадой непосредственного и конкретного призывает к выполнению этих требований сейчас, сегодня, без оговорок и отлагательств¹.

Всюду и везде — абсолютная последовательность, абсолютная требовательность, *цельность и чистота принципа*, обязывающего, требующего немедленного осуществления. Вот, думается, главная сила Толстого, объяснение его всемирного обаяния, живой связи его с современностью.

Все эти европейские поклонники Толстого, все эти Анатоли Франсы разных наименований и палаты депутатов, недавно голозовавшие огромным большинством против отмены смертной казни, а теперь почтившие вставанием великого *цельного* человека, все это царство промежуточности, половинчатости, оговорочности — какой величавой, какой мощной, вылитой из единого чистого металла, фигурой стоит перед ними этот Толстой, это живое воплощение единого принципа! И в эпоху, когда буржуазные принципы,

¹ Г-н Шестов в своей статье о Достоевском удачно отметил, что Толстой — единственный светский христианский мыслитель, который пытался применить Евангелие к жизни, сделать непосредственные практические из него выводы. (*Примеч. М. Неведомского.*)

на которых покоится социальный уклад современности, заподозрены и дискредитируются со всех сторон, в эпоху, когда идея оторвана от жизни и философия превратилась в сплошной вопросительный знак, когда скепсис и критицизм разъедают мысль, а цельность мирозерцания и цельность личности кажутся чем-то давно и безнадежно утраченным, — мир увидел *своего героя* в этом цельном человеке, в этом гениальном идеологе крестьянского «мира», в этом русском, корнями вросшем в родную почву, с его мужицкой бородой, рабочей курткой и смазными сапогами...

Сближает Толстого с миром еще одна его черта, вытекающая из той же его цельности и тоже связанная с породившей его эпохой. Вместе со всеми народниками Толстой (еще с «Люцерна», то есть в 1857 г.) отвернулся от Европы, отрицал Запад. И с присущей ему последовательностью он критику Запада, критику прогресса превращал в *отрицание прогресса*. И тот *иск к культуре*, который он предъявлял во имя все той же социальной совести, был так же абсолютен, исчерпывающ, как все его требования, как его выводы...

...Сочетание крайнего идеализма с реализмом, это столь характерное для Толстого сочетание, привлекает нас вовсе не как противоположность или антитеза нашему настроению, а как нечто родное — *свое*...

И если темная масса признала в Толстом «первого праведника у господ», если она прислушивается к его толкованию Евангелия, если сотни возникающих рационалистических сект прокладывают русло нарождающемуся протестантизму, если толстовское приближение христианства к разуму и непосредственным велениям совести вливается в это же русло, а социальный утопизм его отвечает пробудившимся социальным запросам массы, то, с другой стороны, необычная чистота и последовательность его служения началу совести и сделанные им социальные выводы по *содержанию своему* (безотносительно к форме и путям осуществления, которые он указывал) порождают ту горячую любовь к нему, которая так ярко проявилась в целом потоке общественных «оказательств»...

Великий «кающийся дворянин» дошел в своем покаянии до той абсолютной глубины, где нашлись точки соприкосновения с душой трудящейся массы, и действительно нашел пути к народному сердцу. А бесстрашной честностью своей мысли сделался дорог и люб всем, кто умеет мыслить и любить. Скрепило и обновило связь с ним всех живых элементов страны его выступление против смертной казни — это знаменитое «не могу молчать», которое 80-летний старец прокричал таким могучим голосом... И еще задушевнее, еще живее стала его связь в день его разрыва с социальной средой, в тисках которой он мучился всю жизнь и которую давно отрицал, этот его уход, запечатлевший делом его идейную проповедь...

Смерть Толстого обнаружила, обнажила еще одну сторону нашей жизни. Трещина, которая постепенно образуется между официальной церковью и религиозно настроенной массой, с ее устремлением к рационализации верований, превратилась в целую расщелину, расширилась и зияет уже совершенно ясно для всякого...

Да, день 7 ноября, день смерти Льва Толстого, станет историческим днем в духовной и политической жизни России» («Наша Заря», 1910, № 10, стр. 5—12).

⁴⁵ Дальше В. И. Ленин в своем перечислении объединяет русских махистов (А. Богданова, В. Базарова и др.), веховца А. С. Изгоева, меньшевиков-ликвидаторов Л. Мартова, А. Н. Потресова, В. О. Левицкого, Н. Череванина, П. П. Маслова, лидера немецких центристов социал-демократов К. Каутского. Упомянутые Лениным две ликвидаторские книжки Н. Череванина (Ф. А. Липкина): «Организационный вопрос». С предисл. Л. Мартова (Женева, изд. РСДРП, 1904) и «Современное положение и возможное будущее» (М., 1908). В этом же духе «героев оговорочки» с оценкой творчества Л. Толстого выступил и Евг. Маевский, поместивший в том же № 10 «Нашей Зари» свою статью «Смерть Л. Н. Толстого» (стр. 61—67).

⁴⁶ Впервые опубликовано за подписью «В. Ильин» в № 6 вышедшей в Петербурге большевистской легальной газеты «Звезда» 22 января (4 февраля) 1911 г., стр. 2 (авторизованное издание). Статья была сопровождена следующим примечанием от редакции:

«Редакция, как указывалось уже в № 1, поместит несколько статей, освещающих с разных сторон сложную личность Л. Н. Толстого. Несмотря на некоторые разногласия в оттенках мнений различных авторов, редакция в дальнейшем будет помещать статьи без оговорок, так как надеется, что, при единстве основного отношения сотрудников к учению Толстого, читатели самостоятельно разберутся в значении частичных разногласий».

⁴⁷ Данная и некоторые дальнейшие библиографические ссылки сделаны Лениным по изданию: «Сочинения графа Л. Н. Толстого», издание пятое. М., 1880.

⁴⁸ Слова «воображаемое знание» и «уничтожает инстинктивные, блаженнейшие первобытные потребности добра в человеческой натуре» находятся на стр. 124.

⁴⁹ Статья «Рабство нашего времени» была впервые опубликована в издании «Свободного Слова» в Англии в 1900 году.

⁵⁰ Цитируемые места находятся на страницах 161, 162 и 166.

⁵¹ У Ленина в руках было следующее издание сборника: «О смысле жизни. Мысли Л. Н. Толстого, собранные Владимиром Чертковым» (изд. «Свободного Слова», № 56, Christchurch, Hants, England, 1901).

⁵² Приведенные Лениным слова, ставшие крылатыми для обозначения идеи повести Л. Н. Толстого, содержатся в неокончателном варианте рукописи, широко распространившемся у нас в литографированных изданиях начиная с 1889 года и в печатавшихся по ним заграничных изданиях. В последней авторизованной рукописи они вычеркнуты (см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 27, 1933, стр. 311, 580—583, 622).

⁵³ В статье «Воспитание и образование».

⁵⁴ В вышеупомянутой статье Толстого «Прогресс и определение образования».

⁵⁵ Ленин имеет в виду главу III «Манифеста Коммунистической партии» (см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 4, стр. 448—449).

⁵⁶ Там же, с. 456.

⁵⁷ Заголовок и введение к данному архивному «письму» напи-

саны были Лениным не ранее 4 (17) октября 1900 года; письмо предназначалось для публикации в обличительных целях в ленинской «Искре», но не было помещено, по-видимому, за недостатком места (см.: «Исторический архив», 1955, № 6, стр. 9).

⁵⁸ Заседание это предполагалось в связи с кончиной в августе 1883 года И. С. Тургенева.

⁵⁹ *Ворошилов* — сатирический персонаж из романа «Дым». В Ворошилове И. С. Тургенев высмеял прожектерство, псевдоученость, поверхностность. В. И. Ленин использует этот образ в полемике против одного из лидеров и теоретиков партии эсеров В. М. Чернова, пытавшегося в своих статьях доказать неприменимость марксизма к сельскому хозяйству.

⁶⁰ Работа написана в июне — сентябре 1901 года. Гл. IV, отрывок из которой здесь приводится, впервые напечатана в декабре 1901 года в марксистском научно-политическом журнале «Заря», № 2—3 (издавался легально в 1901—1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры»).

⁶¹ Имеется в виду отлучение Толстого от церкви (см. примеч. 12).

⁶² Работа написана в октябре 1901 года. Впервые напечатана в журнале «Заря», 1901, № 2—3.

⁶³ Диссертация адресатки «Мировоззрение Толстого и его развитие» («Tolstois Weltanschauung und ihre Entwicklung», издана в Берне, в 1901 г.), по поводу которой она обратилась к Ленину с просьбой посодействовать в переиздании ее в России у названных петербургских книгоиздательниц, О. Н. Поповой и М. И. Водовозовой.

⁶⁴ *В. Ив.* — Вера Ивановна Засулич (1849—1919) — видная участница народнического, а затем социал-демократического движения в России.

⁶⁵ Имеется в виду работа Ленина «Что делать?».

⁶⁶ Речь идет о труде Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма», первый том которого вышел в переводе Ленина и Крупской (в 1900 г.), а второй — под редакцией Ленина (в 1901 г.).

⁶⁷ Заглавие, примечание и редакционная правка в данной корреспонденции из г. Сумы (Харьковской губернии) были сделаны Лениным не ранее 18 (31) декабря 1901 года (выделены полужирным шрифтом; слова корреспонденции, подчеркнутые Лениным, выделены курсивом). Опубликовано в № 14 «Искры» от 1 (14) января 1902 г. (см.: «Исторический архив», 1955, № 6, стр. 13—14).

⁶⁸ «Записки Д. А. Хилкова» об этом приведены в книге В. Г. Черткова «Похищение детей Хилковых» (изд. «Свободного Слова», № 4, Christchurch, Nants, England, 1901).

⁶⁹ Данную цитату Ленин извлек из статьи Толстого «О голоде», искаженной царской цензурой и полностью впервые напечатанной в нелегальных заграничных изданиях. Это одна из ряда обличительных работ Толстого о голоде, в борьбе с которым писатель принимал деятельное участие, организуя столовые, раздачу дров и пр.

⁷⁰ Впервые напечатано в № 17 «Искры» от 15 февраля 1902 года.

⁷¹ Имеется в виду статья А. В. Луначарского «Очерки по истории революционной борьбы европейского пролетариата», опубликованная в нелегальной большевистской газете «Вперед», № 2, от 14 (1) января 1905 года, в которой говорилось о большой роли «предместья св. Антония» — рабочего квартала Парижа — в революционной борьбе трудящихся Франции.

⁷² Впервые опубликовано в нелегальной большевистской еженедельной газете «Пролетарий», 1905, № 7, 10 июля (27 июня).

⁷³ *Спиридонова М. А.* (1884—1941) — один из лидеров партии эсеров, член летучего боевого отряда. За убийство в 1906 году главаря черносотенных погромов в Тамбовской губернии Г. Н. Луженовского была осуждена и сослана на каторгу. После Октябрьской социалистической революции выступала против Советской власти. Позднее отошла от политической деятельности.

Аврамов П. Ф. — казачий офицер. Известен своей жестокостью при подавлении крестьянского движения в Тамбовской губернии в 1905 году. В 1906 году убит летучим боевым отрядом эсеров.

⁷⁴ Бердяев Н. А. (1874—1948) — реакционный философ-идеалист и мистик. В годы реакции являлся одним из представителей враждебного марксизму религиозно-философского течения богоискательства, участвовал в контрреволюционном сборнике «Ве-хи». В 1922 году за контрреволюционную деятельность выслан за границу.

⁷⁵ «Полярная Звезда» — еженедельный политический и философский журнал, орган правых кадетов. Выходил в Петербурге с декабря 1905 года по март 1906 года под редакцией П. Б. Струве при участии Н. А. Бердяева, А. С. Изгоева, С. Л. Франка и др. В апреле — мае 1906 года вместо «Полярной Звезды» выходил журнал «Свобода и Культура» (под ред. С. Л. Франка).

⁷⁶ Имеется в виду гл. III статьи М. Горького «Заметки о ме-щанстве».

⁷⁷ Работа написана 24—28 марта (6—10 апреля) 1906 года и напечатана отдельной брошюрой (изд. «Наша Мысль», СПб., 1906).

⁷⁸ Здесь Ленин цитирует «Песню про сражение на реке Черной 4 августа 1855 года». Песня написана Л. Толстым в 1855 году, во время Крымской войны, после неудачного сражения на реке Черной, участником которого он был.

⁷⁹ См. статью В. И. Ленина «Среди газет и журналов» (П. с. с., т. 13, стр. 241—243). «Голос Труда» — меньшевистская легальная газета; издавалась в Петербурге в июне — июле 1906 года.

⁸⁰ Из передовой статьи, напечатанной в № 3 легальной большевистской газеты «Эхо» от 24 июня 1906 года.

⁸¹ Цитата из комедии Толстого «Плоды просвещения».

⁸² Написано между 21 и 26 марта (3 и 8 апреля) 1907 года. Впервые опубликовано посмертно в «Ленинском сборнике IV».

⁸³ В начале 1908 года А. М. Горький заканчивал повесть «Исповедь». Ленин с содержанием повести знаком еще не был.

⁸⁴ По этому поводу Горький сообщал в одном из своих писем: «Для «Пролетария» о Толстом я писал; рукопись — на машинке — была послана в Петербург; кто-то из редакции, — кажется, Малышев, — известил меня, что эта рукопись и «сказка» «Огонек» пропали при обыске, но не помню: в редакции или же у кого-либо из

товарищей. Как была озаглавлена рукопись — тоже не помню. Возможно: «Большой человек», потому что речь шла о человеке, который вырос таким большим, что уже не видит и не слышит людей, а разговаривает только сам с собою и со своей тенью. Но — не могу утверждать, что заголовок был именно таков. Моих рукописей в рабочих газетах пропало, кажется, штук пять» (С. М. Брейтбургу, 7 ноября 1927 г. Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 30, стр. 44).

⁸⁵ Ленин снова цитирует комедию Толстого «Плоды просвещения» (см. примеч. 81).

⁸⁶ Работа была написана в первой половине 1908 года и опубликована отдельной брошюрой (изд. «Жизнь и Знание», М., 1918).

⁸⁷ Написано в ноябре, позднее 22 (5 декабря) 1910 года. Опубликовано впервые в газете «Правда», 1932, № 21, 21 января.

⁸⁸ Статья была помещена в качестве передовой в «Рабочей Газете», 1910, 18 (31) декабря.

⁸⁹ В статье «Карл Маркс и Лев Толстой» («Социал-Демократ», 1911, № 19—20, 13 (26) января).

⁹⁰ В статье «Герои «оговорочки» (см. стр. 27—33 наст. изд.).

⁹¹ «Заметки публициста. Отсюда и досюда».

⁹² Приводим текст этого примечания: «Редакция предполагает посвятить несколько статей вопросу об общественном значении деятельности Толстого, которая несомненно требует разностороннего освещения».

⁹³ «Современник» — ежемесячный литературно-политический журнал, выходил в Петербурге в 1911—1915 годах. Вокруг журнала группировались меньшевики-ликвидаторы, эсеры, «народные социалисты» и левые либералы. Видную роль в журнале в начале его существования играл А. В. Амфитеатов (1862—1938) — буржуазный писатель-фельетонист, сотрудничавший и в либеральной и в реакционной прессе, впоследствии белоэмигрант. Водовозов и Лопатин в это время сотрудничали в «Современнике».

Водовозов В. В. (1864—1933) — экономист и публицист либерально-народнического направления.

Лопатин Г. А. (1845—1918) — известный революционер-народник, находился в дружеских отношениях с Марксом и Энгельсом. Перевел с Даниэльсоном 1-й том «Капитала». В 1887 году приговорен к смертной казни, замененной каторгой, шлиссельбуржец. В 1905 году освобожден по амнистии, впоследствии отошел от политической деятельности.

⁹⁴ Сведений об этой поездке нет.

⁹⁵ Приведенная Лениным цитата взята им из предисловия Толстого к альбому картин художника Н. Орлова «Русские мужики» (СПб., 1909).

⁹⁶ Статья впервые опубликована в № 24 «Социал-Демократа» от 18 (31) октября 1911 года.

⁹⁷ Статья впервые опубликована в № 27 «Социал-Демократа» от 4 (17) июня 1912 года.

⁹⁸ Впервые опубликовано в большевистском теоретическом журнале «Просвещение», № 2 (февраль) за 1913 год.

⁹⁹ Статья написана 23—25 мая (5—7 июня) 1913 года. Впервые опубликована в газете «Правда», №№ 123, 126, 127 и 131, 30 мая, 2, 5 и 9 июня 1913 года.

¹⁰⁰ Статья впервые напечатана в № 14 «Пролетарской Правды» от 18 января 1914 года.

¹⁰¹ Цитата из предисловия Толстого к альбому «Русские мужики» (см. примеч. 95).

¹⁰² Статья была опубликована в № 3 (март) «Современного Мира» за 1914 год.

¹⁰³ Ленин цитирует «Песню про сражение на реке Черной» Л. Толстого (см. примеч. 78).

¹⁰⁴ Работа написана в феврале — мае 1914 года, впервые напечатана в апреле — июне 1914 года в журнале «Просвещение» (№№ 4, 5, 6).

¹⁰⁵ Написано во второй половине декабря 1916 года. Впервые напечатано 27 января 1918 года в социалистической газете «La Vérité», № 48 (с большими сокращениями). Перевод с французского.

Б. Суварин — французский социалист, журналист. В годы пер-

вой мировой войны — центрист, троцкист. В 1921 году вошел в Коммунистическую партию Франции, в 1924-м — исключен. В последнее время — один из лидеров французских троцкистов.

¹⁰⁶ Ленин упоминает здесь о книжке швейцарского социал-демократа Жюля Эмбера-Дро, привлеченного во время первой мировой войны к суду за отказ от призыва в армию. Заглавие ее: «Война войне. Долой армию. Полный текст защитительной речи в военном трибунале в Невшателе 26 августа 1916 года» («Guerre à la Guerre. A bas L'Armée. Plaidoirie complète devant le Tribunal Militaire à Neuchâtel le 26 août 1916»).

¹⁰⁷ Имеется в виду то же предисловие Толстого к альбому Н. Орлова (см. примеч. 95).

¹⁰⁸ План доклада был сделан Лениным на немецком языке ранее 9 (22) января 1917 года в Цюрихе для молодых рабочих (ср. «Доклад о революции 1905 года». — П. с. с., т. 30, стр. 306—328).

¹⁰⁹ См. примеч. 106.

¹¹⁰ Приступить к мирным переговорам Советское правительство предлагало буржуазной Польше неоднократно: 22 декабря 1919 года, 28 января и 2 февраля 1920 года; но договор о перемирии и прелиминарном (предварительном) мире был заключен лишь 12 октября 1920 года.

¹¹¹ Речь была напечатана в «Правде» 13 и 15 июня 1920 года.

¹¹² В августе 1920 года.

¹¹³ Из речи на Московской губернской конференции РКП(б) 21 ноября 1920 года.

¹¹⁴ Речь была напечатана в «Правде» от 2 марта 1921 года.

¹¹⁵ *В. Л. Персиянинов* — гимназический товарищ Ленина. Первый семестр 1883/84 учебного года (до января) он жил в семье Ульяновых.

¹¹⁶ Впоследствии автор вновь просмотрел приведенный отрывок и сделал к нему дополнения, помещаемые под чертой.

¹¹⁷ Речь идет о трактате Толстого «Так что же нам делать?» (1886).

¹¹⁸ *Волапюк* — один из искусственных международных языков.

¹¹⁹ Имеется в виду научное Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого в 90-та томах, выходявшее в течение 1928—1958 годов.

¹²⁰ См., напр., письмо Толстого Н. С. Лескову от 3 декабря 1890 года.

¹²¹ «Русская Книга». Ежемесячный критико-библиографический журнал. Берлин. Русский книжный магазин «Москва», 1921. В личной Кремлевской библиотеке Ленина хранились №№ 1, 2 и 7—9 этого журнала. На обложке первого из них есть, в частности, такая собственноручная помета Ленина: «NB с. 26—7 о Наживине...»

¹²² Автор был делегатом X съезда РКП(б), происходившего в марте 1921 года.

¹²³ Пожелание автора письма, крымского работника социал-демократической партии, связано с тем, что Толстой был в это время в Крыму, в имении гр. С. Ф. Паниной «Гаспра».

¹²⁴ Письмо написано было на листовке Киевского комитета РСДРП, выпущенной 21 октября (3 ноября) 1902 года,

¹²⁵ Об издании листовки было сообщено в «Искре», 1902, № 28, 15 (28) ноября.

¹²⁶ Эта публичная лекция Ленина состоялась 5 (18) января 1911 года в Париже (см. также стр. 75 наст. изд.).

¹²⁷ Заседание Совнаркома происходило под председательством В. И. Ленина, текст постановления скреплен подписью А. В. Луначарского. 10 июня 1921 года постановлением ВЦИК «Ясная Поляна» была объявлена национальной собственностью и передана в ведение Народного комиссариата просвещения.

Содержание

Статьи

Лев Толстой, как зеркало русской революции	5
Л. Н. Толстой	12
Не начало ли поворота?	19
Л. Н. Толстой и современное рабочее движение	22
Толстой и пролетарская борьба	26
Герои «оговорочки»	28
Л. Н. Толстой и его эпоха	35
Фрагменты из статей, речей, писем В. И. Ленина. Пометки41
Из воспоминаний о В. И. Ленине	71
Из документов	86
Книги Л. Н. Толстого и о нем в личной библиотеке	
В. И. Ленина	92
Комментарии	96

Ленин В. И.

Л 45 Статьи о Толстом. / Сост., послесл. и коммент.
С. Брейтбурга. — М.: Худож. лит., 1988. — 159 с.
(Массовая историко-литерат. б-ка).

ISBN 5-280-00387-5

В книге представлены все статьи В. И. Ленина о великом русском писателе Л. Н. Толстом, фрагменты из статей, речей, писем В. И. Ленина, а также выдержки из воспоминаний о В. И. Ленине, отражающие его отношение к творчеству писателя.

Л 4603010101-034 218-88
028(01)-88

ББК 83.3Р1

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

СТАТЬИ О ТОЛСТОМ

Редактор

Э. Гурецкая

Художественный редактор

С. Биричев

Технический редактор

Е. Полонская

Корректоры

Н. Пехтерева, О. Левина

ИБ № 5054

Сдано в набор 24.03.87. Подписано к печати 17.11.87. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага кн.-журн. № 2. Гарнитура «Тип таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,48. Усл. кр.-отт. 13,45. Уч.-изд. л. 6,96. Тираж 150 000 экз. Изд. № IX-2767. Заказ № 1039. Цена 20 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

лучше прочесть.
Л. Н. Толстой (Зингер)

ЗНАЧЕНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО ВЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РУССКАГО СОЦИАЛИЗМА.

Умеръ Левъ Толстой. Его мировое значеніе, какъ художника, его мировая известность, какъ мыслителя и проповѣдника, и то и другое отражаетъ, по своему, мировое значеніе русской революціи.

Начало первой гранки статьи В. И. Ленина
«Л. Н. Толстой» с ее первоначальным названием

(Уменьшено)

массы ограничивались самоусовершенствованіемъ и
воздыханіемъ ~~в~~ земской жизни, а для того, чтобы онѣ
поднялись для нанесенія удара царской мо-
нархїи и р ~~еволюціи~~ тория въ
1905 году б ~~ыла~~ которая
надо уничто ~~жить~~ Толстов-
скую крити ~~ку~~), чтобы
массы ограни ~~чивались~~ капитала
и власти де ~~лать~~ аучались
опираться ~~на~~ и своей
борьбы на т ~~орю~~ ния капи-
тализма, на ~~у~~ въ единую милли-
онную армию социалистическихъ борцовъ, которые
свергнутъ капитализмъ и создадутъ новое общество
безъ ~~фашизма~~ народа, безъ эксплуатаціи человека че-
ловѣкомъ.

К 10 Боткина

Иначе
в Эфе "без кнущей карод" журу
келшоръ огуловск
"распределительном"
Сов. к мурь-!

Конец последней гранки статьи В. И. Ленина
«Л. Н. Толстой» с правкой и замечанием редактора

(Уменьшено)

Статьи и отдельные суждения В. И. Ленина о Льве Толстом имеют важнейшее методологическое значение и породили большую теоретическую литературу. Каждая эпоха открывает в них новые стороны, до того не замеченные или оставшиеся в тени.

Издательство «Художественная литература»